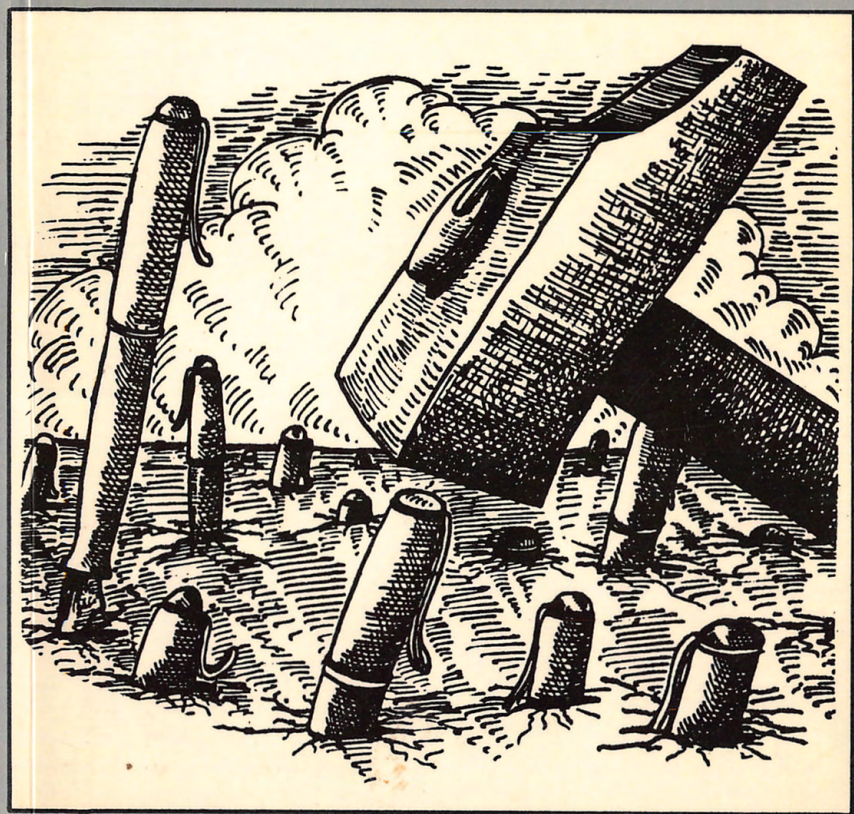

ФРИДМАН И ХАЙЕК О СВОБОДЕ

ФРИДМАН И ХАЙЕК О СВОБОДЕ

САГО

САГО

**ФРИДМАН
И ХАЙЕК
О СВОБОДЕ**

ФРИДМАН И ХАЙЕК О СВОБОДЕ

**Перевод с английского
под редакцией А. Бабича**

CATO
INSTITUTE

FRIEDMAN AND HAYEK ON FREEDOM

Published in 1985 by Cato Institute

Acknowledgements are made to:

Chalidze Publications (New York) for permission to reprint Chapter 1 of *Capitalism and Freedom* by Milton Friedman (“The Relation between Economic Freedom and Political Freedom”) from the Russian language edition of that book, translated by V. Kozlovsky and A. Galperin. The original English language edition was published by the University of Chicago Press (1962).

Harcourt Brace Jovanovich (New York) for permission to translate Chapters 1 and 5 of *Free to Choose* by Milton & Rose Friedman (“The Power of the Market” and “Created Equal”), published in 1980.

Nina Karsov (London) for permission to reprint Chapter 8 of *The Road to Serfdom* by F. A. Hayek (“Who, Whom?”) from the Russian language edition of that book, translated by Nina Staviskaya, edited by A. Babich. The original English language edition was published by Routledge & Kegan Paul (1944).

Copyright © Cato Institute, 1985

ISBN 0-932790-50-X

Cover design by Andrzej Krauze

Printed and bound in Great Britain

СОДЕРЖАНИЕ

М. ФРИДМАН

- Взаимосвязь между экономической
и политической свободами 9
Гл. 1 из книги: М. Фридман, *Капитализм и свобода*,
пер. с англ. В. Козловского и А. Гальперина,
Chalidze Publications, New York, 1982
- Могучая рука рынка 28
Гл. 1 из книги: М. и Р. Фридман, *Хозяева своей судьбы*
(Milton & Rose Friedman, *Free to Choose*, Harcourt Brace
Jovanovich, New York, 1980), пер. с англ. А. Бабича
- Свобода, равенство и эгалитаризм. 71
Гл. 5 из книги: М. и Р. Фридман, *Хозяева своей судьбы*,
пер. с англ. А. Бабича

Ф. А. ХАЙЕК

- Кто кого? 105
Гл. 8 из книги *Дорога к рабству*, пер. с англ.
Нины Ставиской под редакцией А. Бабича,
изд-во Nina Karsov, Лондон, 1983
- Примечания 124
- Рекомендуемая литература. 131

М. ФРИДМАН

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДАМИ

Широко распространено мнение, что политика и экономика — это вещи разные и между собой почти не связанные; что личная свобода — это вопрос политический, а материальное благополучие — экономический, и что любой политический строй (arrangements) можно совместить с любым экономическим. Главными современными выразителями этого представления являются многочисленные проповедники „демократического социализма”, безусловно осуждающие ограничения на личную свободу, навязываемые „тоталитарным социализмом” в России, и убежденные, что страна может взять на вооружение основные черты тамошнего экономического строя и тем не менее обеспечить личные свободы посредством устройства политического. Основной тезис данной главы заключается в том, что такое мнение есть заблуждение, что между экономикой и политикой существует тесная взаимосвязь, что возможны лишь определенные комбинации политического и экономического устройства

общества, и что, в частности, социалистическое общество не может также быть демократическим (в том смысле, что оно не сможет гарантировать личных свобод).

Экономическое устройство способствует развитию свободного общества в двоякой роли. С одной стороны, свобода экономических отношений сама по себе есть составная часть свободы в широком смысле, поэтому экономическая свобода есть самоцель. Во-вторых, экономическая свобода — это также необходимое средство к достижению свободы политической.

Первую из этих двух ролей экономической свободы следует подчеркнуть особо, ибо у интеллектуалов имеется сильное предубеждение против того, чтобы придавать этому аспекту свободы большое значение. Они склонны презрительно относиться к тому, что они считают материальной стороной жизни, и рассматривают свое собственное стремление к якобы более высоким ценностям как куда более значительное и заслуживающее особого внимания обстоятельство. Однако для большинства граждан государства, хоть и не для интеллектуалов, непосредственная важность экономической свободы по меньшей мере сравнима по значимости с косвенной важностью экономической свободы как средства к достижению свободы политической.

Английский гражданин, которому после Второй мировой войны не позволяли провести отпуск в США из-за валютных ограничений, был лишен одного из коренных видов свободы не меньше, чем американский гражданин, которому не давали съездить в отпуск в Россию из-за его политических взглядов. В первом случае речь шла, на первый взгляд, об экономическом ограничении свободы, а во втором — об ограничении политическом, однако существенной разницы между ними нет.

Гражданин США, которого закон обязывает уделить, скажем, 10% своего дохода на покупку определенного пенсионного контракта, находящегося под административным контролем правительства, тем самым лишается соответствующей части своей личной свободы. Насколько чувствительно можно отнести к такому лишению, и на-

сколько близко оно к лишению религиозной свободы, которую все сочтут свободой „гражданской” или „политической”, а не „экономической”, драматически выразилось в одном эпизоде, затрагивавшем группу фермеров из секты амишей.¹ Исходя из своих принципов, эта секта рассматривала обязательные федеральные пенсионные программы как нарушение своей личной индивидуальной свободы и отказывалась платить налоги и принимать выплаты по соцобеспечению. В результате часть принадлежавшего ей скота была продана с аукциона для покрытия причитавшихся с них взносов на соцобеспечение. Верно, что число граждан, рассматривающих обязательное пенсионное обеспечение как ущемление свободы, скорее всего невелико, но ревнители свободы никогда не гнались за численностью поголовья.

Гражданин США, который по существующим в разных штатах законам не волен трудиться на избранном им поприще, если он не заручился на то патентом или лицензией, точно так же лишается существенной доли своей свободы. То же самое относится к человеку, который желает выменять какие-то свои товары, скажем, на часы у швейцарца, но не может этого сделать из-за импортной квоты. То же самое относится к калифорнийцу, угодившему в тюрьму в соответствии с так называемыми „законами о справедливой торговле” (fair trade law) за то, что он продавал противопохмельное средство „Алка Зельцер” по цене ниже той, которую установил производитель. То же самое относится и к фермеру, который не может выращивать столько пшеницы, сколько захочет. И так далее. Совершенно очевидно, что экономическая свобода сама по себе есть наиважнейшая часть общей свободы.

Если смотреть на него как на средство достижения политической свободы, экономическое устройство весьма важно из-за своего влияния на концентрацию и рассредоточение власти. Экономическая организация, которая предоставляет экономическую свободу непосредственно (именно, основанный на свободной конкуренции капитализм) способствует также и умножению политической свободы, ибо она отделяет экономическую власть от политической и таким образом

позволяет одной служить противовесом другой.

Исторический опыт говорит о соотношении между политической свободой и свободным рынком совершенно однозначно. Мне не известно ни одно существовавшее когда-либо и где-либо общество, которое отличалось бы большой степенью политической свободы и в то же время не пользовалось бы для организации значительной части экономической деятельности неким подобием свободного рынка.

Поскольку мы живем в обществе, которое в большой степени свободно, мы склонны забывать, насколько короток был промежуток времени и мала та часть земного шара, в которых когда-либо существовало какое-то подобие политической свободы: типическим состоянием человечества являются тирания, подъяремность и приниженность. Западный мир в девятнадцатом и начале двадцатого века есть разительное исключение из общей тенденции исторического развития. В данном случае политическая свобода явно пришла вместе со свободным рынком и с развитием капиталистических учреждений. Оттуда же явилась политическая свобода греческого золотого века и начальных дней римской эры.

История подсказывает лишь одно: капитализм есть необходимое условие политической свободы. Ясно, что это условие недостаточное. Фашистскую Италию и Испанию, Германию нескольких периодов за последние 70 лет, Японию перед Первой и Второй мировыми войнами и царскую Россию предшествовавших Первой мировой войне десятилетий нельзя даже с натяжкой охарактеризовать как политически свободные страны. А ведь в каждой из них частное предпринимательство было господствующей формой экономической организации. Поэтому очевидно, что можно иметь капиталистическое по сути своей экономическое устройство и в то же время несвободное устройство политическое.

Но даже в тех странах граждане обладали куда большей свободой, чем граждане современного тоталитарного государства вроде России и нацистской Германии, в которых экономический тоталитаризм сочетается с политическим. Даже в России при царе некоторые граждане могли в опреде-

ленных обстоятельствах поменять место работы без разрешения политической власти, потому что капитализм и наличие частной собственности служили известным противовесом централизованной власти государства.²

Взаимоотношения между политической и экономической свободами сложны и никоим образом не односторонни. В начале девятнадцатого века Бентам и философские радикалы были склонны рассматривать политическую свободу как средство достижения свободы экономической. По их мнению, массам мешают налагаемые на них ограничения, и если политические реформы предоставляют большинству населения избирательное право, оно сделает как ему лучше, а именно — проголосует за свободную конкуренцию. Задним числом нельзя сказать, чтобы они были неправы. Осуществились немалые политические реформы, и за ними последовали реформы экономические, направленные в сторону большей свободы конкуренции. Результатом таких изменений в экономическом устройстве общества явилось громадное повышение благосостояния масс.

За торжеством бентамовского либерализма в Англии девятнадцатого века последовала реакция в виде усиления правительственного вмешательства в экономическую сферу. И в Англии, и в других странах эта тенденция к коллективизму была резко ускорена двумя мировыми войнами. Господствующей заботой в демократических странах сделалось благосостояние, а не свобода. Распознав таящуюся в этом угрозу индивидуализму, интеллектуальные наследники философских радикалов — Дайси, Мизес, Хайек и Саймонс в числе многих других — опасались, что продолжение движения к централизованному контролю над экономической деятельностью окажется *Дорогой к рабству*, как назвал Хайек свой проницательный анализ этого процесса. Они подчеркивали экономическую свободу как средство достижения свободы политической.

События послевоенного периода демонстрируют и другое соотношение между экономической и политической свободами. Коллективистское экономическое планирование и в самом деле ущемило индивидуальную свободу. Однако по

меньшей мере в части стран результатом этого было не подавление свободы, а обратный поворот экономической политики. Наиболее разительный пример снова дает Англия. Поворотным пунктом явился, по-видимому, правительственный декрет о „контроле над занятиями”, который, невзирая на дурные предчувствия, лейбористская партия сочла необходимым принять с целью осуществления своей экономической политики. Если бы его прилежно исполняли, закон этот привел бы к централизованному распределению людей по занятиям. Это настолько шло вразрез с личной свободой, что новый закон соблюдали в ничтожном меньшинстве случаев, и продержался он совсем недолго. Отмена его потянула за собою решительный поворот экономической политики, отмеченный меньшим упором на централизованные „планы” и „программы”, снятием многих ограничений и большей опорой на частный рынок. Подобные политические сдвиги произошли в большинстве демократических стран.

Эти политические сдвиги объясняются, в общих чертах, тем, что централизованное планирование имело ограниченный успех, а то и совсем не сумело достичь искомых целей. Однако эту его неудачу можно — по крайней мере, в какой-то степени — саму отнести на счет политических результатов централизованного планирования и нежелания довести его до его логического завершения, когда это вызывает необходимость переступить через столь ценимые гражданами права личности. Вполне возможно, что этот сдвиг есть лишь временный перерыв в действии коллективистской тенденции нашего столетия. Даже если это так, он иллюстрирует тесную зависимость между политической свободой и экономическим устройством.

Исторический опыт сам по себе никогда не бывает убедителен. Возможно, лишь по чистому совпадению расширение свободы произошло одновременно с развитием капитала и рыночных институтов. Почему же между ними непременно должна быть взаимосвязь? Каковы логические связи между экономической и политической свободами? Рассматривая эти вопросы, мы обсудим сперва рынок как прямой компонент свободы, а затем — косвенную зависимость между

рыночными отношениями и политической свободой. Побочным продуктом рассмотрения является попытка обрисовать идеальное экономическое устройство свободного общества.

Будучи либералами, мы исходим при оценке социальных институтов из свободы индивида, или, быть может, семьи, как из своей конечной цели. Взятая в таком смысле, свобода есть ценность лишь в отношениях между людьми: для Робинзона Крузо, сидящего на пустынном острове без Пятницы, она лишена всякого смысла. На своем острове Робинзон Крузо испытывает „ущемления”, „власть” его ограничена, как ограничен круг имеющихся у него альтернатив, однако в том смысле, в котором она берется в нашем рассмотрении, проблема свободы перед ним не стоит. Точно так же, в применении к обществу принцип свободы ничего не говорит о том, как именно индивид должен пользоваться предоставленной ему свободой: это не всеобъемлющая этика. Более того, одна из главнейших целей либерала состоит в том, чтобы оставить этическую проблему индивиду: пусть он сам поломает над нею голову. „По-настоящему” важные этические проблемы — это те, что стоят перед индивидом в свободном обществе: что делать ему со своей свободой? Таким образом, либерал подчеркивает два круга ценностей: ценности, касающиеся отношений между людьми, и в этом контексте он выдвигает на первое место свободу; и ценности, которыми руководствуется индивид при пользовании своей свободой, что представляет собой область индивидуальной этики и философии.

Либерал считает, что люди несовершенны. Для него проблема социальной организации есть настолько же негативная проблема удержания „плохих” людей от причинения зла, насколько проблема помощи „хорошим” людям в совершении добра; разумеется, „плохими” и „хорошими” могут быть одни и те же люди: все зависит от того, кто о них судит.

Коренная проблема социальной организации заключается в том, как скоординировать экономическую деятельность большого числа людей. Даже в относительно отсталых обществах для адекватного использования наличных ресурсов

необходимы разделение труда и специализация функций. В обществах высокоразвитых уровень координации, необходимой для всемерного использования возможностей, предлагаемых современной наукой и техникой, неизмеримо выше. Буквально миллионы людей заняты тем, что доставляют друг другу хлеб насущный, не говоря уже о ежегодных автомобилях. Поборник свободы стоит перед нелегкой задачей: как совместить эту всеобщую взаимозависимость с индивидуальной свободой.

В принципе, существует лишь два способа координации экономической деятельности миллионов. Первый — это централизованное руководство, сопряженное с принуждением; таковы методы армии и современного тоталитарного государства. Второй — это добровольное сотрудничество индивидов; таков метод, которым пользуется рынок.

Возможность координации через добровольное сотрудничество основывается на элементарном — хотя и часто оспариваемом — тезисе, что из экономической сделки выгоду извлекают обе стороны, — *при том условии, что эта сделка представляет собой добровольный и полностью осознанный акт каждой из сторон.*

Торговый обмен может поэтому обеспечить координацию без принуждения. Рабочей моделью общества, организованного при посредстве добровольного обмена, является *свободная частнопредпринимательская рыночная экономика*, то есть то, что мы назвали основанным на свободной конкуренции капитализмом.

В простейшей форме такое общество состоит из ряда самостоятельных частных хозяйств — из совокупности робинзонов, если угодно. Каждое из этих хозяйств использует свои наличные ресурсы для производства товаров и услуг, которые оно обменивает на товары и услуги, произведенные другими хозяйствами, делая это на взаимоприемлемых для обоих участвующих в сделке сторон условиях. Таким образом оно получает возможность удовлетворить свои потребности косвенным способом, производя товары и услуги для других, а не непосредственно, то есть производя товары для своего собственного пользования.

Побудительным мотивом для принятия такого опосредованного варианта является, разумеется, увеличение совокупного продукта, вызванное разделением труда и специализацией функций. Поскольку у хозяйства всегда есть альтернативный выход — производить прямо для себя, ему нет нужды вступать в обмен, если оно ничего на нем не выиграет. Поэтому если обе стороны ничего не выиграют от обмена, он не состоится. Так сотрудничество делается возможным без принуждения.

Специализация функций и разделение труда далеко не уйдут, если конечной производственной единицей будет частное хозяйство. В современном обществе мы ушли куда дальше. Мы создали предприятия, которые являются посредниками между индивидами в их роли поставщиков услуг и покупателей товаров. И точно так же специализация функций и разделение труда не зашли бы далеко, если бы мы продолжали полагаться на обмен одного товара на другой. Вследствие этого были придуманы деньги как средство содействия обмену, дающее возможность разделить на две части акты купли и продажи.

Несмотря на важную роль предприятий и денег в нашей экономике, и несмотря на поднимаемые ими многочисленные сложные проблемы, главная особенность рыночного метода осуществления координации исчерпывающе проявляется в простой рыночной экономике, в которой нет ни предприятий, ни денег. Как в этой простой модели, так и в сложной рыночной экономике, использующей предприятия и деньги, кооперация является строго индивидуальной и добровольной *при том условии*, что (а) предприятия частные, так что конечными договаривающимися сторонами являются индивиды, и что (б) индивиды обладают полной свободой вступать или не вступать в каждую конкретную сделку, так что все операции строго добровольны.

Куда легче выдвинуть эти условия в виде общих принципов, нежели оговорить их подробно или сказать конкретно, какие учреждения наиболее способствуют их соблюдению. Именно этим вопросам посвящена значительная часть специальной экономической литературы. Самое главное — это

обеспечить правозаконность, дабы не допустить физического принуждения одного индивида другим, и соблюдение добровольно заключенных контрактов, благодаря чему „частный” аспект дела не останется пустым звуком. Помимо этого, наибольшие сложности связаны, по-видимому, с монополиями (которые ущемляют реальную свободу, закрывая для индивида альтернативы какому-то конкретному акту обмена) и с „внешними эффектами” (neighborhood effects), т. е. с воздействием на третьих лиц, за которое с них нецелесообразно взыскивать и за которое их нецелесообразно компенсировать. Эти проблемы будут разобраны более подробно в следующей главе.

Пока сохраняется реальная свобода обмена, главная особенность рыночной организации экономической деятельности состоит в том, что в большинстве случаев она не позволяет одному лицу вмешиваться в деятельность другого. Потребителя ограждает от принуждения со стороны продавца наличие других продавцов, с которыми он может вступить в сделку. Продавца ограждает от принуждения со стороны потребителя наличие других потребителей, которым он может продать свой товар. Работающий по найму огражден от принуждения со стороны работодателя наличием других работодателей, к которым он может наняться, и так далее. И рынок делает все это беспристрастно и безо всякой центральной власти.

Если уж на то пошло, одним из главных возражений против свободной экономики выдвигают именно тот факт, что она так хорошо выполняет эту задачу. Она дает людям то, чего они хотят, а не то, чего они должны хотеть по разумению какой-то группы. За большинством доводов против свободного рынка лежит неверие в саму свободу.

Существование свободного рынка не снимает, разумеется, необходимости правительства. Напротив, правительство необходимо и как форум для определения „правил игры”, и как арбитр, толкующий установленные правила и обеспечивающий их соблюдение. Рынок резко сужает круг вопросов, которые нужно решать политическими средствами, и таким образом сводит к минимуму необходимость прямо-

го правительственного участия в игре. Характерная особенность действия, предпринимаемого через политические каналы, состоит в его тенденции требовать или навязывать значительное единообразие. Рынок, с другой стороны, отличается тем, что допускает большое разнообразие. Говоря языком политики, он представляет собою систему пропорционального представительства. Каждый может, так сказать, проголосовать за цвет своего галстука; ему нет нужды заботиться о том, какие цвета предпочитает большинство, и подчиняться, если он окажется в меньшинстве.

Когда мы утверждаем, что рынок предоставляет экономическую свободу, мы имеем в виду именно эту его особенность. Однако значение ее простирается далеко за пределы чисто экономической сферы. Политическая свобода означает отсутствие принуждения одних людей другими. Основную угрозу свободе представляет сила принуждения, будь она в руках монарха, диктатора, олигархии или сиюминутного большинства. Сохранение свободы требует максимально возможного устранения такой концентрации власти и расщепления и распыления той власти, устранить которую не представляется возможным, т. е. взаимозависимости и взаимоограничения законодательной, исполнительной и судебной власти (*checks and balances*). Изымая организацию экономической деятельности из-под контроля политической власти, рынок устраняет этот источник принуждающей власти. Он позволяет экономической мощи сделаться ограничителем политической власти, а не ее укрепителем.

Экономическая власть может быть широко рассредоточена. Нет никакого закона сохранения энергии, понуждающего новые центры экономической мощи расти за счет уже существующих. Политическую власть, с другой стороны, децентрализовать сложнее. Небольших самостоятельных правительств может существовать множество. Однако куда сложнее иметь целый ряд равносильных центров политической власти внутри одного большого правительства, чем множество центров экономической власти в рамках одной большой экономики. Одна большая экономика может содержать в себе сотни и тысячи миллионеров. Но разве может

существовать более чем один действительно выдающийся лидер, более чем один человек, на котором сосредотачиваются энергия и энтузиазм его сограждан? Если центральное правительство увеличивает свою власть, скорее всего это делается за счет местного самоуправления. Такое впечатление, что существует какая-то неизменная общая сумма наличной для распределения политической власти. Поэтому, если соединить экономическую власть с политической, концентрация представляется почти неизбежной. С другой стороны, если экономическая власть находится не в тех же руках, что политическая, она может послужить ограничивающим противовесом политической власти.

Убедительность этого абстрактного довода лучше всего, видимо, продемонстрировать на конкретных примерах. Давайте рассмотрим сначала гипотетический пример, который поможет нам выявить затрагиваемые здесь принципы, а затем — несколько недавних примеров из реальной жизни, иллюстрирующих, как действие рынка способствует сохранению политической свободы.

Одной из характерных особенностей свободного общества является, разумеется, свобода индивида отстаивать и открыто пропагандировать радикальные изменения в общественной структуре — до тех пор, пока его агитация ограничивается убеждением и не выливается в применение насильственных действий и иных видов принуждения. Знаменем существующей в капиталистическом обществе политической свободы служит то, что люди могут открыто призывать к социализму и бороться за него. Точно так же политическая свобода в социалистическом обществе потребовала бы, чтобы люди были вольны агитировать за введение капитализма. Как можно было бы сохранить и защитить свободу агитации за капитализм в социалистическом обществе?

Чтобы человек мог за что-то агитировать, сперва он должен иметь возможность заработать на жизнь. Уже это становится проблемой в обществе социалистическом, ибо там все рабочие места находятся под прямым контролем социалистической власти. Чтобы социалистическое правительство разрешило состоящим у него на службе лицам

пропагандировать политический курс, прямо противоположный его официальной доктрине, потребовался бы акт самоотречения, совершить который совсем непросто (как показал послевоенный опыт США, когда встал вопрос о „благонадежности” правительственных служащих).

Но предположим, что этот акт самоотречения все же совершился. Чтобы пропаганда капитализма имела какой-то смысл, сторонники его должны как-то финансировать свою деятельность: им надо будет устраивать митинги, печатать брошюры, платить за радиопередачи, выпускать газеты и журналы, и т. д. Встает вопрос: откуда им взять деньги? При социализме могут быть и наверняка окажутся люди с большим доходом, возможно даже обладающие крупным капиталом в виде государственных облигаций и т. п., однако по необходимости это будут высокопоставленные правительственные чиновники. Можно еще представить, что мелкий чиновник будет открыто пропагандировать капитализм в социалистической стране и тем не менее удержится на работе. Трудно, однако, вообразить, чтобы такую „подрывную” деятельность финансировали при социализме большие начальники.

Получить необходимые средства можно будет единственно путем сбора небольших сумм с большого числа мелких чиновников. Но это не решение. Чтобы воспользоваться этим источником, надо, чтобы очень многие уже были убеждены в вашей правоте, тогда как стоящая перед вами проблема как раз и заключается в финансировании кампании, направленной на их убеждение. Радикальные кампании в капиталистических странах таким образом никогда не финансировались. Их, как правило, поддерживало несколько богатых людей, которых удалось убедить: Фредерик Вандербильт Фильд, Анита Маккормик Блейн или Корлисс Ламонт, если называть недавно упоминавшиеся имена, или Фридрих Энгельс, если отойти подальше в прошлое. Эту роль имущественного неравенства в сохранении политической свободы (роль мецената) замечают весьма редко.

В обществе капиталистическом надо лишь убедить нескольких богачей, чтобы заручиться средствами на пропа-

ганду какой угодно идеи, пусть даже самой необычной, и таких людей, таких независимых источников поддержки, имеется немало. И вообще: не обязательно даже убеждать людей или финансовые учреждения, обладающие соответствующими фондами, в разумности идей, которые вы намереваетесь пропагандировать. Нужно лишь убедить их в том, что ваша пропаганда будет иметь финансовый успех, что соответствующая газета, журнал, книга или новое предприятие окажутся прибыльными. Серьезно относящийся к конкуренции издатель, например, не может себе позволить печатать только то, с чем он лично согласен: он должен исходить из одного лишь критерия, а именно: велика ли возможность того, что рынок окажется достаточно широк, дабы обеспечить удовлетворительную прибыль на вложенный капитал.

Таким образом, рынок разрывает порочный круг и в конечном итоге позволяет финансировать подобные предприятия небольшими суммами, собранными со многих людей, без того, чтобы их сперва убеждать. В социалистическом обществе такой возможности нет: там одно лишь всеильное государство.

Попробуем напрячь воображение и предположим, что социалистическое правительство осознает эту проблему и состоит из людей, пекущихся о сохранении свободы. Способно ли оно выделить на это средства? Возможно; но неясно, как. Оно может учредить административный орган по субсидированию подрывной пропаганды. Но как ему решить, кого именно следует поддерживать? Если оно станет давать всем, кто попросит, оно вскоре окажется без денег, ибо социализм не в состоянии отменить элементарного экономического закона, согласно которому достаточно высокая цена порождает высокое предложение. Сделайте агитацию радикальных воззрений достаточно финансово привлекательной, и от агитаторов отбою не будет.

Кроме того, свобода пропагандировать непопулярные воззрения вовсе не требует, чтобы такая пропаганда не несла с собою никаких издержек. Напротив, не было бы стабильных обществ, если бы пропаганда радикальных изменений не была бы сопряжена с какими-то затратами, и уж тем

более субсидировалась. Вполне нормально, чтобы люди несли жертвы при пропаганде идей, в которые они глубоко верят. Мало того, важно сохранить свободу только для тех, кто готов себе во многом отказывать, ибо иначе свобода вырождается во вседозволенность и безответственность. Что совершенно необходимо, так это чтобы цена, которую платят за пропаганду непопулярных взглядов, была разумной и не закрывала всякой возможности такой пропаганды.

Но это еще не все. В свободном рыночном обществе достаточно иметь средства. Поставщики бумаги столь же готовы продать ее газете *Дейли уоркер*, сколь и *Уолл-Стрит джорнэл*. В социалистическом обществе одних денег будет мало. Гипотетическому стороннику капитализма надо будет уговорить государственную бумажную фабрику продать ему бумагу, государственную типографию — напечатать брошюры, государственное почтовое отделение — разослать их, государственное ведомство — предоставить ему зал для выступления и т. д.

Возможно, существует какой-то способ преодоления всех этих трудностей и сохранения свободы в социалистическом обществе. Нельзя утверждать, что это совершенно невозможно. Ясно, однако, что создание институтов, которые на деле оградят возможность инакомыслия, сопряжено с весьма реальными трудностями. Насколько я знаю, никто из тех, кто выступает за социализм и одновременно за свободу, толком небрался за эту проблему или хотя бы предпринимал попытки всерьез разрабатывать институты, которые обеспечили бы существование свободы при социализме. Совершенно ясно зато, как способствует свободе рыночное капиталистическое общество.

Разительным примером практического воплощения этих абстрактных принципов служит то, что произошло с Уинстоном Черчиллем. С 1933 г. и до начала Второй мировой войны Черчиллю не разрешали выступить по английскому радио, которое являлось, разумеется, правительственной монополией под административным контролем Британской радиовещательной корпорации. А ведь он был одним из виднейших граждан своей страны, членом парламента,

бывшим министром, отчаянно пытавшимся всеми доступными средствами убедить своих соотечественников принять какие-то меры к предотвращению опасности, исходящей от гитлеровской Германии. Ему не разрешали обратиться по радио к английскому народу, поскольку Би-Би-Си являлась правительственной монополией, а его взгляды представлялись слишком „спорными”.

Вот еще убедительный пример, свидетельствующий о том, как „ушел в затемнение” голливудский „черный список”. Об этом сообщил 26 января 1959 г. журнал *Тайм*, писавший следующее:

„Церемония награждения премиями „Оскар” есть мероприятие, во время которого Голливуд больше всего старается соблюсти декорум. Однако два года назад декорум оказался нарушенным. Когда объявили, что некий Роберт Рич является главным автором сценария кинофильма *Храбрец*, он так и не вышел на сцену. Роберт Рич оказался псевдонимом, за которым скрывался один из примерно 150 сценаристов... внесенных кинопромышленностью в черный список с 1947 г. по подозрению, что они являются членами Компартии или симпатизируют коммунизму. Конфуз вышел особенно большой из-за того, что Академия киноискусства запретила коммунистам и тем, кто ссылался на Пятую поправку,³ участвовать в конкурсе на „Оскара”. На прошлой неделе и это правило насчет коммунистов и загадка настоящего имени Рича внезапно оживили прежний сценарий.

Оказалось, что Рич — это автор фильма *Джонни дали винтовку* Дальтон Трамбо, один из первоначальной „Голливудской десятки” сценаристов, отказавшихся дать показания на слушаниях 1947 года по поводу коммунистического проникновения в кинопромышленность. Как сказал продюсер Фрэнк Кинг, до тех пор твердо стоявший на том, что Роберт Ричем звался некий „юный бородач в Испании”: „У нас обязанность перед акционерами покупать по возможности лучшие сценарии. Трамбо принес нам *Храбреца*, и мы его купили...”

Этим был практически ознаменован официальный конец голливудского черного списка. Неофициально он закончился

для запрещенных сценаристов уже давно. Сообщают, что по меньшей мере 15% нынешних голливудских фильмов пишутся сценаристами из черного списка. По словам продюсера Кинга, „в Голливуде больше „негров”, чем в Гарлеме. Каждая здешняя компания пользуется услугами тех, кто состоит в черном списке. Мы просто первыми подтвердили то, что все и так знают”.”

Можно считать, как считаю я, что коммунизм уничтожил бы все наши свободы, можно выступать против него с максимальной твердостью и в то же время считать недопустимым, чтобы в свободном обществе человеку не позволяли вступать во взаимоприемлемые добровольные отношения с другими лицами, потому что он верит в коммунизм и пытается за него бороться. Его свобода включает свободу бороться за коммунизм. Разумеется, свобода включает и свободу для других при этих обстоятельствах с ним не общаться. Голливудский черный список был актом несвободы, ибо являл собою сговор с использованием средств принуждения для предотвращения добровольной ассоциации. Он не сработал именно потому, что рынок сделал сохранение черного списка дорогостоящим. Коммерческий интерес, то обстоятельство, что у глав предприятий имеется стимул — заработать как можно больше денег, оградил свободу попавших в черный список лиц, предоставив им другую работу и дав людям стимул их нанимать.

Если бы Голливуд и кинопромышленность были государственными предприятиями, или если бы в Англии речь шла о поступлении на работу в Британскую радиовещательную корпорацию, трудно себе представить, чтобы „Голливудская десятка” или аналогичная группа людей нашли себе работу. Точно так же трудно себе представить, что решительные сторонники индивидуализма и частного предпринимательства — да и вообще решительные сторонники любого мировоззрения помимо идеологии сохранения статус-кво — нашли бы работу при таких обстоятельствах.

Еще один пример той роли, которую рынок играет в деле сохранения политической свободы, относится к нашему опыту с маккартизмом. Оставив в стороне существо дела

и вопрос об обоснованности предъявлявшихся тогда обвинений, любопытно, какую защиту имели допрашиваемые, и в особенности государственные служащие, от безответственных обвинений и попыток влезть в дела, исповедаться в которых было им против совести? Если бы не было альтернативы государственной службе, апелляция их к Пятой поправке обратилась бы в пустую пародию.

Основная защита их состояла в существовании частно-рыночной экономики, в рамках которой они могли заработать себе на хлеб. И здесь защищенность их была не абсолютна. Многие потенциальные частные наниматели не желали (правы они были или нет) брать на работу пригвождаемых к позорному столбу. Вполне возможно, что издержкам, которые несли многие из этих лиц, было куда меньше оправдания, чем издержкам, с которыми обычно сопряжена пропаганда непопулярных идей. Но суть дела в том, что издержки эти были ограничены и не нестерпимы, как было бы в том случае, если бы существовала одна лишь государственная служба.

Интересно отметить, что непропорционально большая часть этих лиц ушла, судя по всему, в секторы экономики с наибольшей конкуренцией, — мелкий бизнес, торговля, фермерство, — где рынок наиболее близко подходит к идеальному свободному рынку. Покупая хлеб, никто не знает, кто вырастил для него пшеницу: коммунист или республиканец, конституционалист или фашист, или, если уж на то пошло, негр или белый. Этим иллюстрируется то, как безличный рынок отделяет экономическую деятельность от политических взглядов и ограждает людей от дискриминации в их экономической деятельности по причинам, не имеющим никакого отношения к их производительности — связаны ли будут эти причины с их взглядами или с их цветом кожи.

Как можно заключить из этого примера, в сохранении и укреплении основанного на конкуренции капитализма наиболее кровно заинтересованы именно те меньшинства, которые легче всего становятся объектом недоверия и вражды со стороны большинства, — негры, евреи, инородцы (говоря лишь о самых очевидных). И тем не менее, как ни

парадоксально, как раз из этих групп набирается, как правило, непропорционально большое число врагов свободного рынка — социалистов и коммунистов. Вместо того, чтобы признать, что существование этого рынка оградило их от неприязни сограждан, они ошибочно относят на счет рынка остаточные проявления дискриминации.

МОГУЧАЯ РУКА РЫНКА

Ежедневно каждый из нас потребляет несметное количество товаров и услуг. Мы едим, одеваемся, защищаем себя от непогоды или просто тратим деньги на удовольствия. Мы считаем само собой разумеющимся, что все эти товары и услуги доступны нам в любое время — стоит нам только пожелать их приобрести. Мы никогда не задумываемся над тем, сколько людей тем или иным способом вовлечены в их производство. Мы никогда не задаем себе вопроса, как это получается, что на полках соседней лавочки (а в последние годы — крупного супермаркета) оказываются именно те товары, которые мы собирались купить, и почему у нас всегда есть для этого деньги — и действительно, большинство из нас почему-то имеет возможность заработать их в достаточном количестве.

Вполне естественно предположить, что кто-то должен распорядиться о том, чтобы „нужный” товар производился в „нужном” количестве и продавался в „нужном” месте.

Именно таким методом осуществляется координирование действий множества людей в армии. Генерал отдает приказ полковнику, полковник приказывает майору, майор — лейтенанту, лейтенант — сержанту, а сержант — рядовому.

Но метод приказа, или директивный метод, может быть единственным или основным организационным методом только внутри очень малой группы людей. Даже самый самовластный глава семьи не может контролировать каждое действие других ее членов с помощью одних только приказаний. Ни одна крупная армия не может функционировать исключительно на основе приказов. Ни один генерал не может на практике обладать информацией, необходимой для управления каждым действием рядового солдата. В каждом звене командной цепи исполнитель — будь то офицер или солдат — должен быть уполномочен использовать по своему усмотрению известную ему информацию относительно конкретных обстоятельств, которой его командир может и не располагать. Приказания должны дополняться добровольным сотрудничеством — то есть куда менее очевидным и более тонким, но гораздо более важным с принципиальной точки зрения способом координирования действий большой группы людей.

В качестве примера крупной экономической системы, управляемой с помощью директивного метода, обычно приводят СССР — страну с централизованной планируемой экономикой. Но так дело обстоит лишь в теории, отнюдь не на практике. На каждой ступени экономической деятельности в этой стране — иногда легально, а иногда и нелегально — вступает в силу и действует принцип добровольного сотрудничества: иногда — чтобы дополнить метод централизованного планирования, а иногда — чтобы скомпенсировать недостатки, обусловленные его жесткостью и негибкостью.

В области сельского хозяйства колхозникам разрешается в нерабочее время выращивать сельскохозяйственные продукты на небольших приусадебных участках и разводить скот для личных нужд или для продажи на относительно свободном рынке. Личные участки занимают меньше одного процента всех сельскохозяйственных угодий страны, но для

них, как полагают, производится почти одна треть всех сельскохозяйственных продуктов в Советском Союзе. Оговорка „как полагают” необходима здесь потому, что есть все основания думать, что часть сельскохозяйственных продуктов, произведенных в колхозах, нелегально продается на рынках под видом продуктов личных подсобных хозяйств.

Что касается наемных работников (рабочих и служащих), то они редко получают распоряжение работать на определенном месте; фактически планирование и управление ресурсами рабочей силы применяется здесь в весьма ограниченном масштабе. На деле каждой работе или должности соответствует определенная зарплата, и желающие работать на этом месте вольны сами предлагать свои услуги. Это положение во многом сходно с положением в капиталистических странах. Будучи принятыми на работу, они могут впоследствии быть уволены или перейти на другую работу „по собственному желанию”. В Советском Союзе существует множество ограничений, касающихся того, кто и где может работать; и уж, конечно, закон запрещает частным лицам кого-либо нанимать на работу. Тем не менее, существуют многочисленные „подпольные цеха”, продукция которых поступает на весьма обширный черный рынок. В больших масштабах распределять рабочих по рабочим местам просто невозможно, и, как видно, также невозможно полностью подавить деятельность частных предпринимателей.

Привлекательность различных рабочих мест в Советском Союзе часто зависит от того, какие возможности они предоставляют для нелегального или полуполюгального побочного заработка. Москвич, в квартире которого произошла поломка, мог бы месяцами дожидаться техников из жилищной конторы. Вместо этого он может нанять „шабашника”, и весьма вероятно, что тот окажется как раз техником из ЖЭКа. В результате ремонт производится быстро и аккуратно, а техник кладет себе в карман некую дополнительную сумму. Довольны оба: и хозяин квартиры, и шабашник.

Эти ростки добровольного обмена, присущие свободному рынку, процветают, несмотря на их несовместимость с официальной марксистской идеологией, поскольку цена их

ликвидации была бы для властей слишком высокой. Можно было бы вообще запретить приусадебные участки, но голод 30-х годов служит действенным напоминанием того, к чему это могло бы привести. Советская экономика сегодня едва ли является примером высокой производительности, а без этих элементов добровольного обмена она была бы еще менее эффективной. Недавние трагические события в Камбодже показали, к чему приводят попытки полностью отказаться от свободного рынка.

Так же, как ни одно общество не может существовать, опираясь исключительно на директивный метод, так и ни одно общество не может руководствоваться исключительно принципами добровольного сотрудничества. Каждому обществу присущи определенные элементы приказного метода, принимающие самые разнообразные формы. Они могут быть сформулированы явно и недвусмысленно (обязательная воинская повинность, запрещение купли-продажи героина и искусственных заменителей сахара, судебные постановления, предписывающие или запрещающие конкретному подсудимому совершать определенные действия), или же быть столь тонкими, как увеличение налогов на табачные изделия с целью уменьшения числа курящих (что является скорее косвенным указанием, нежели приказом, который отдают одни люди другим).

Весьма важно, в какой пропорции сосуществуют эти два фактора: проявляется ли элемент добровольного обмена в основном в „подпольной” деятельности, процветающей в результате жесткости доминирующего директивного метода, или же принцип добровольного обмена является основным принципом организации общества и дополняется в большей или меньшей степени элементами принуждения. Элемент нелегального добровольного обмена может предотвратить крах директивной экономики: с его помощью тяжелая экономическая машина будет со скрипом продвигаться вперед, и кое-где даже будет достигнут прогресс. Однако он лишь в малой степени может способствовать подрыву тирании, на которой зиждется экономика с доминирующим директивным методом. С другой стороны,

экономика, основанная на принципе добровольного обмена, представляет собой залог процветания и свободы. При такой экономике потенциал в сфере этих двух областей может и не быть реализован полностью, но нам неизвестен пример общества, достигшего процветания и свободы в условиях, когда принцип добровольного обмена не являлся бы основным принципом его организации. Разумеется, следует добавить, что добровольный обмен не является *достаточным* условием для процветания и свободы; во всяком случае, об этом пока что свидетельствует история. Многие общества, основанные на принципе добровольного обмена, не достигли ни процветания, ни свободы, хотя и в том и в другом отношении они находятся далеко впереди обществ, представляющих собой авторитарные социальные структуры. Однако добровольный обмен является для процветания и свободы общества условием *необходимым*.

Сотрудничество посредством добровольного обмена

Прелестная история *Я, Карандаш: моя родословная, рассказанная Леонарду Риду* живо иллюстрирует, как именно принцип добровольного обмена позволяет сотрудничать миллионам людей. Мистер Рид начинает сказку словами ее героя – грифельного карандаша. Обыкновенный деревянный карандаш, хорошо знакомый всем умеющим читать и писать мальчикам и девочкам, заявляет следующее: „Нет на земле ни одного человека, который бы знал, как сделать карандаш”. Затем он рассказывает обо всех процессах, необходимых для изготовления карандаша. Сначала из стройного дерева, которое называется кипарисовик и растет в Северной Калифорнии и Орегоне, получают древесину. „Чтобы срубить деревья и привезти бревна на железнодорожную станцию, – рассказывает Карандаш – необходимы пилы, грузовики, канаты и неисчислимое количество других вещей, для изготовления которых требуется огромное число людей, обладающих самыми разнообразными знаниями и профессиями. Эти люди добывают руду, изготавливают сталь и делают из нее пилы, топоры и двигатели. Они выращивают

коноплю, делают из нее пеньку и обрабатывают самыми разными способами, пока из нее не получаются толстые и крепкие канаты. А лесорубы, которым приходится подолгу жить в лагерях далеко от дома, спать в общих спальнях и обедать в общей столовой! А сколько рук потрудились над каждой чашкой кофе, выпитой лесорубами!”

Далее мистер Рид рассказывает, что бревна нужно доставить на лесопилку, где из них сделают доски, которые отправятся потом из Калифорнии в Уилкс-Барре, в Пенсильвании, где и был сделан рассказчик-карандаш. И это все пока что только для того, чтобы изготовить деревянную оболочку карандаша. Что касается его „грифельной” сердцевины, то она, оказывается, на самом деле вовсе и не грифельная. Она сделана из графита, который добывают на Цейлоне, и лишь после множества сложнейших операций графит превращается в пишущий стержень карандаша.

А металлический ободок на кончике карандаша сделан из латуни. „Вы только подумайте — говорит мистер Рид — обо всех тех людях, которые добывают цинковую и медную руду, и обо всех тех умельцах, которые изготавливают латунные листы из этих ископаемых материалов”.

То, что мы называем резинкой, на профессиональном языке именуется пробкой. Мы-то думали, что наконечник карандаша сделан из резины, но мистер Рид говорит нам, что резина здесь является всего лишь связующим материалом. Стирание же на самом деле производится при помощи „фактиса” — резиноподобного материала, получаемого в результате реакции сурепного масла из Индонезии с хлористой серой.

„После всего этого — заявляет Карандаш, — сомневается ли кто-нибудь теперь, что ни один человек на земле не знает, как меня сделать?”

Никто из тысяч людей, связанных с изготовлением карандаша, не выполнял свою работу потому, что ему захотелось стать обладателем карандаша. Некоторые из них никогда в глаза не видели карандаша и не знают, для чего он предназначен. Каждый из этих людей выполнял свою работу, потому что он хотел получить взамен требующиеся ему това-

ры и услуги — как раз те самые товары и услуги, которые производим мы для того, чтобы обменять их на требующийся нам карандаш. Каждый раз, идя в магазин и покупая карандаш, мы обмениваем какую-то небольшую долю своих услуг на бесконечно малую долю тех услуг, которые каждый из этих тысяч людей вложил в изготовление карандаша.

Еще более поразительным является тот факт, что карандаш вообще был сделан. Никто, сидя в кабинете, не отдавал приказаний этим десяткам тысяч людей, и никто не обращался к полиции с целью принудить работников подчиниться этим приказаниям. Люди, изготовившие карандаш, живут в различных странах, говорят на разных языках, исповедуют разные религии, возможно, даже ненавидят друг друга — и тем не менее, ни одно из этих различий не помешало им сотрудничать в деле производства карандаша. Как же это произошло? Ответ на этот вопрос дал двести лет назад Адам Смит.

Роль цен

Основная идея книги Адама Смита *Богатство народов* обманчиво проста: если сделка между двумя партнерами является добровольной, она состоится только в том случае, если оба они полагают, что извлекут из нее выгоду. В большинстве случаев ошибки и заблуждения экономистов происходят от того, что они пренебрегают этой простой и глубокой идеей и склонны предполагать, что предметом каждой сделки является некоторая фиксированная сумма выигрыша, предназначенная „для дележа”, и что если один партнер получает от сделки какую-то выгоду, то только потому, что он тем самым лишил этой выгоды другого.

Справедливость утверждения Адама Смита очевидна, когда речь идет о простом обмене между двумя конкретными лицами. Гораздо труднее понять, как те же побуждения приводят к тому, что вступают в сотрудничество люди, живущие в самых разных уголках земли — причем каждый из них делает это во имя своих сугубо частных интересов.

Механизм, который осуществляет это, не прибегая к цент-

рализованному руководству и не требуя, чтобы люди общались между собой или друг другу симпатизировали, называется ценовой системой. Когда вы покупаете карандаш или буханку хлеба, вы не знаете, кто изготовил карандаш или вырастил пшеницу — белый или негр, китаец или индеец. В результате ценовая система дает возможность людям мирно сотрудничать в какой-то момент их деятельности, позволяя им в то же время идти своим собственным путем, когда дело касается всего остального.

Гениальность Адама Смита проявилась в понимании того факта, что цены на товары, возникающие в результате сделок между покупателями и продавцами — иными словами, цены, образующиеся в результате действия законов свободного рынка — могут координировать действия миллионов людей, каждый из которых преследует свою собственную выгоду, причем координировать таким образом, что каждый из участвующих в сделке выиграет. В результате действий многих людей, каждый из которых заботится лишь о своей личной выгоде, стихийно и незапланированно возникает упорядоченная экономическая структура. Эта идея казалась невероятной во времена Адама Смита, и столь же удивительной она остается и поныне.

Механизм ценовой системы работает настолько четко и эффективно, что в большинстве случаев мы даже и не подозреваем о его существовании. Мы узнаем о нем только тогда, когда что-то мешает его нормальной работе, но даже и в этом случае мы редко можем определить, в чем кроется причина разлада.

Ярким недавним примером такого разлада могут служить длинные очереди за бензином, внезапно возникшие в 1974 г., когда страны ОПЕК¹ ввели эмбарго на нефть, и повторившиеся весной и летом 1979 года после революции в Иране. В обоих случаях все началось с резких перебоев в поставках сырой нефти из-за границы. Это не вызвало, однако, появления подобных очередей в Германии или Японии, хотя эти страны целиком и полностью снабжаются импортируемой нефтью; очереди за бензином выстроились в Соединенных Штатах (несмотря на то, что США добывают собственную

нефть в больших количествах). Причина этого была одна и только одна: в результате административных распоряжений некоего правительственного органа ценовая система не имела возможности нормально функционировать. В некоторых районах страны цены на нефть с помощью административных мер искусственно удерживались ниже того уровня, который гарантировал бы, что количество бензина, имеющегося на автозаправочных станциях, будет в точности равно тому количеству, которое покупатели согласились бы купить по данной цене. Бензин распределялся по различным районам страны по „разверстке”, определявшейся планирующими органами, а вовсе не в соответствии с повысившимся спросом, отражающимся в изменении цены. В результате в одних районах образовались излишки бензина, а в других его не хватало, и люди вынуждены были часами томиться в очередях. Четкая и бесперебойная работа механизма ценовой системы, в течение десятилетий гарантировавшая каждому потребителю приобретение бензина на любой из многочисленных автозаправочных станций в кратчайший срок и в удобное для него время – была заменена бюрократической импровизацией.

В организации экономической деятельности цены выполняют следующие три функции: во-первых, они передают информацию; во-вторых, служат стимулом к применению наиболее экономичных методов производства, что ведет к наиболее эффективному использованию имеющихся ресурсов; в-третьих, они определяют, кто получает какую долю произведенного продукта – другими словами, управляют распределением доходов. Эти три функции цен тесно переплетаются между собой.

Передача информации

Допустим, что по какой-либо причине (возможно, вследствие возросшего числа школьников в результате резкого скачка рождаемости в определенный период) возрос спрос на карандаши. Владельцы магазинов канцелярских товаров обнаружат, что они продают большее количество каранда-

шей, чем обычно. В результате они закажут больше карандашей у оптовиков, которые в свою очередь направят дополнительные заказы производителям. Производители будут вынуждены заказать больше древесины, латуни, графита и других материалов, необходимых для производства карандашей. Для того, чтобы заинтересовать поставщиков в расширении производства необходимых материалов, производители карандашей вынуждены будут предложить им более высокую цену за их товары. Это приведет к тому, что поставщики должны будут нанять больше рабочих, чтобы удовлетворить возросший спрос. Для этого необходимо заинтересовать рабочих более высокой оплатой и лучшими условиями труда. Как круги по воде, весть об этом будет распространяться все дальше и дальше, передавая людям по всему миру информацию о возросшем спросе на карандаши — или, вернее, на некоторый продукт, в производстве которого они участвуют. Причин же повышения спроса на этот продукт люди могут и не знать — да это им и не нужно.

Ценовая система устроена так, что она передает только существенную информацию, и только тем, кому она нужна. Производителям древесины, например, вовсе не требуется знать, по какой причине возник повышенный спрос на карандаши — то ли вследствие повышения рождаемости несколько лет назад, то ли потому, что 14 000 новых правительственных формуляров следует в обязательном порядке заполнять карандашом. Им даже вообще не нужно знать, что спрос на карандаши возрос. Все, что для них существенно — это то, что кто-то готов платить больше за древесину, и что более высокая цена, по всей вероятности, продержится достаточно долго, чтобы имело смысл постараться удовлетворить спрос. Оба вида информации были переданы рыночными ценами: первый — существующей ценой, второй — ценой товара с будущей поставкой.

Одной из основных задач в эффективной передаче информации является обеспечение того, чтобы информация поступала именно к тем, кто может ее использовать, и не заваливала письменные столы тех, кому она не нужна. Ценовая система решает эту задачу автоматически. Люди, передающие

информацию, имеют возможность и заинтересованы в том, чтобы найти тех, кто может эту информацию использовать; последние же заинтересованы в ее получении и ничто им в этом не препятствует. Изготовитель карандашей находится в постоянном контакте с поставщиком перерабатываемой им древесины, и он постоянно ищет новых поставщиков, которые могут предложить лучший товар или более низкие цены. Точно так же производитель древесины постоянно связан со своими клиентами и стремится расширить их число. В это же время люди, не связанные с подобной деятельностью и не собирающиеся заниматься ею в будущем, не интересуются ценами на древесину и просто не обратят на них внимания.

В наши дни передача информации посредством цен в огромной степени упрощается благодаря организованным рынкам и специальным средствам распространения информации. Наблюдение за изменениями цен, ежедневно публикуемыми в газете *Уолл-Стрит Джорнэл* и в многочисленных более специализированных публикациях, может превратиться в увлекательнейшее занятие. Цены, как зеркало, почти мгновенно отражают все, что происходит в мире. Например, в одной из отдаленных стран, которая является одним из основных производителей меди, произошла революция, или же нормальное производство меди нарушилось по какой-либо иной причине. Текущая цена на медь немедленно взлетает вверх. Для того, чтобы узнать, что думают сведущие люди о времени, в течение которого будут продолжаться перебои с поставками меди, достаточно всего лишь бросить взгляд на цены на медь с будущей поставкой — а они напечатаны на той же странице.

Лишь немногие из читателей даже такой отнюдь не специализированной газеты, как *Уолл-Стрит Джорнэл*, интересуются более чем несколькими ценами. На все остальные цены они просто не смотрят. Газета же *Уолл-Стрит Джорнэл* сообщает эту информацию, исходя вовсе не из альтруизма или из понимания того, насколько эта информация важна для экономики страны в целом. Издатели газеты поставляют информацию, подчиняясь действию все той же ценовой систе-

мы, функционированию которой способствует газета. Владельцы газеты обнаружили, что, публикуя цены и котировки, они могут обеспечить газете большее число читателей или могут продавать ее по более высокой цене — причем сама эта информация была передана им некоторой системой цен.

Цены не только передают исходящую от покупателей информацию розничным торговцам, оптовикам, изготовителям и владельцам природных ресурсов. Они также передают информацию и в обратном направлении. Предположим, что в результате пожара или забастовок сократились поставки древесины: цены на древесину тут же возрастут. Для производителей карандашей это послужит сигналом того, что им более выгодно использовать меньше древесины и невыгодно производить столько карандашей, сколько они производили раньше, если они не смогут продать их по более высокой цене. Уменьшившееся производство карандашей позволит розничным торговцам повысить на них цену. Это, в свою очередь, послужит сигналом для потребителя, что ему теперь стало выгоднее исписать карандаш до более короткого „огрызка”, прежде чем его выбросить — или же перейти на автоматические карандаши. И в этом случае потребителю не нужно знать, почему карандаши подорожали. Его интересует лишь сам факт.

Все, что препятствует ценам свободно отражать спрос и предложение рынка, вносит помехи в процесс передачи точной информации. Одним из примеров являются частные монополии, то есть осуществление контроля со стороны одного производителя или объединения производителей над каким-то конкретным товаром. Монополии своими действиями не препятствуют передаче информации посредством цен, но они искажают передаваемую информацию. Тот факт, что в 1973 году страны ОПЕК, выступив в качестве нефтяного картеля, учетверили цены на нефть, представлял собой очень важную информацию. Эта информация, однако, не сообщала потребителям ни о резком сокращении поставок сырой нефти, ни о сенсационном открытии, касающемся будущего снабжения нефтью, ни о каком-либо ином факте технического характера, отражающемся на относительной

доступности нефти или других источников энергии. Все, что она сообщала — это тот факт, что группе стран удалось прийти к соглашению о разделе рынка сбыта и установлении фиксированной цены на нефть.

Контроль над ценами на нефть и другие виды энергии со стороны правительства США привел, в свою очередь, к тому, что информация о последствиях действий стран ОПЕК не была точно и своевременно передана потребителям бензина. У этого факта были два последствия. Во-первых, упрочилось положение стран ОПЕК, поскольку искусственное сдерживание роста цен американским правительством воспрепятствовало основным потребителям в США начать более экономно расходовать нефть (о чем им должны были сообщить возросшие цены). Во-вторых, с целью распределения дефицитных нефтепродуктов в экономику США пришлось в довольно широком масштабе ввести элементы административного управления (этим занималось министерство энергетики, на службе у которого состоит 20 000 человек, а годовой бюджет достиг в 1979 г. суммы 10 млрд. долларов). Как бы ни были важны искажения ценовой системы со стороны частных предприятий, сегодня основным источником помех и искажений является вмешательство правительства в систему свободной конкуренции: посредством введения таможенных тарифов и других ограничений в области международной торговли; путем установления твердых цен или воздействия на индивидуальные цены (в том числе на уровень зарплаты) на внутреннем рынке; путем государственного регулирования отдельных областей промышленности; в результате проведения монетарной и финансово-бюджетной политики, приводящей к изменчивой и неустойчивой инфляции, или же с помощью многочисленных иных способов.

Одним из самых серьезных отрицательных эффектов неустойчивой инфляции является, так сказать, введение помех в каналы передачи информации посредством цен. Если, к примеру, дорожает древесина, то ее производители не могут знать, то ли причина этого лежит в том, что вообще все цены выросли в результате инфляции, то ли повысился спрос на древесину, то ли, наконец, ее количество по сравнению

с остальными товарами стало меньше, чем было до повышения цены. Информация, которая существенна для организации производства — это в первую очередь *относительные* цены (то есть, цены на один товар по сравнению с ценами на другие товары). Высокая инфляция и в особенности сильно варьирующая инфляция приводит к тому, что помехи полностью „забивают” полезный сигнал, и важная информация превращается в бессмысленный шум.

Цены как стимулирующий фактор

Эффективная передача точной информации будет осуществляться впустую, если у тех, кому она адресована, нет стимула действовать (и действовать правильным образом) исходя из этой информации. Если производитель древесины не будет заинтересован в том, чтобы в ответ на повышение цен на древесину выпускать больше продукции, то информация о повышении цен окажется для него просто бесполезной. Одним из замечательных свойств системы свободно складывающихся на рынке цен является тот факт, что цены, передающие информацию о состоянии рынка, одновременно обеспечивают и стимул, и возможности реагировать на эту информацию.

Эта функция цен тесно связана с третьей из перечисленных выше функций (а именно — с функцией распределения дохода), и не может быть объяснена без учета последней. Доход производителя, то есть то, что он получает за свою деятельность, определяется разностью между доходом от продажи его продукции, и затратами на ее производство. Производитель составляет баланс доходов и затрат и выпускает такое предельно возможное количество продукции, когда ее небольшой прирост уже дальше повлечет бы за собой такие издержки, что они сравнялись бы с извлекаемым из дополнительной продукции доходом. Повышение цены на товар позволяет сдвинуть эту границу в сторону увеличения производства.

Как правило, чем больше он выпускает продукции, тем быстрее растут производственные издержки. Чтобы увели-

чить производство древесины, ему придется рубить лес на более отдаленных или менее выгодных в других отношениях участках. Он будет вынужден нанять неквалифицированных рабочих или платить более высокую зарплату квалифицированным рабочим, чтобы переманить их от других работодателей. Однако возросшая цена на его товар позволяет ему нести возросшие издержки и таким образом обеспечивает как стимул к расширению производства, так и средства для этого.

Цены играют роль стимула, заставляющего производителя реагировать на информацию не только в том, что касается повышения спроса на продукцию, но также и в отношении поиска наиболее экономичной производственной технологии. Предположим, что какая-то порода дерева становится все более редкой и, следовательно, более дорогостоящей по сравнению с остальными. Изготовитель карандашей получает эту информацию в результате возрастания цен на данный вид древесины. Ввиду того, что его доход, как и доход любого другого производителя, определяется разницей между выручкой и издержками, то у производителя карандашей является стимул экономить именно эту, более ценную породу. Рассмотрим другой пример. Какую пилу, ручную или механическую, выгоднее применять на лесопильных работах? Ответ на этот вопрос определяется стоимостью обеих пил, числом рабочих, занятых на операциях с применением тех или других пил, и соответствующей этим операциям зарплатой. Промышленники-лесозаготовители заинтересованы в том, чтобы приобрести соответствующие технические знания, которые в совокупности с информацией, полученной посредством цен, помогут им свести к минимуму издержки.

Возьмем еще один пример, требующий некоторого воображения, который показывает всю тонкость и сложность ценовой системы. Тот факт, что в 1973 году страны ОПЕК повысили цены на нефть, слегка изменил баланс между использованием ручных и механических пил в пользу ручных пил: дело в том, что стоимость эксплуатации механических пил возросла. Если этот пример покажется несколько натянутым, то можно рассмотреть влияние подорожания сырой

нефти на сравнительную стоимость транспортировки бревен с лесных участков на лесопилки при использовании тягачей, работающих соответственно на обычном бензине и на дизельном топливе.

Продолжим этот пример. Повышение цен на нефть (в той мере, в которой оно допускалось в каждой стране) повлекло за собой возрастание стоимости эксплуатации тех машин и устройств, которые расходуют больше нефтепродуктов, по сравнению с аналогичными, но расходующими меньше нефти — и у потребителей появился стимул перейти на пользование последними. Наиболее очевидными примерами являются возросшая популярность малолитражных автомобилей и переход с нефтяного топлива на уголь или дрова в домашнем отоплении. Если продолжать рассматривать все более отдаленные эффекты, то станет ясно, что по мере того, как относительная цена на древесину повышалась (то ли вследствие удорожания ее производства, то ли вследствие возрастающего спроса на древесное топливо как на заменяющий нефть источник энергии), то в результате возрастания цен на карандаши у потребителей появлялся стимул их экономить! И таких примеров можно было бы привести бесконечное множество.

До сих пор мы говорили о ценах как о стимулирующем факторе в рамках понятий „производители” и „потребители”. Но цены точно также являются стимулирующим фактором для наемных рабочих и владельцев других производственных ресурсов. Повышенный спрос на древесину приведет к более высокой оплате труда лесорубов. Это послужит сигналом того, что спрос на рабочих этой профессии повысился. Более высокая оплата труда дает рабочим стимул действовать в соответствии с этой информацией. Те из них, кому было все равно, стать ли лесорубами или кем-либо еще, теперь могут предпочесть это занятие. Профессия лесоруба может привлечь более значительный процент молодежи, впервые появившейся на рынке труда. Но и здесь вмешательство со стороны правительства (например, путем введения минимальной ставки заработной платы) или профсоюзов (путем ограничений на прием в члены этого профсоюза)

могут или исказить информацию, переданную посредством цен, или же не дать частным лицам возможности свободно действовать в соответствии с этой информацией.

Информация о ценах — будь то зарплата рабочих и служащих в различных отраслях, земельная рента или доход от вложенного капитала — является не единственной информацией, которая может служить основой для решения о том, каким образом использовать имеющиеся у нас в распоряжении конкретные ресурсы. Она может не быть даже и самой важной информацией, в особенности при решении, как лучше использовать собственную рабочую силу. Это решение зависит еще и от интересов и возможностей человека — то есть от всей совокупности факторов, которую замечательный экономист Альфред Маршалл назвал совокупностью денежных и неденежных преимуществ и недостатков данной профессии. Моральная удовлетворенность работой может служить компенсацией за низкую зарплату, а с другой стороны — высокая зарплата может возмещать недостатки неприятной работы.

Распределение доходов

Как мы уже видели, доход каждого человека в результате действия системы свободного рынка определяется разностью между тем, что он получает от продажи своих товаров и услуг, и затратами на производство этих товаров и услуг. Получаемые нами поступления представляют собой в основном прямые выплаты за те производственные ресурсы, которыми мы обладаем — будь то оплата труда или оплата за пользование землей, сооружениями или иным капиталом. Случай промышленника (например, изготовителя карандашей) отличается по форме, но не по сути. Его доход также зависит от того, каким количеством различных производственных ресурсов он владеет, зависит и от той цены, которую устанавливает рынок за предоставление этих ресурсов. Заметим, что в данном случае самым важным среди имеющихся в его распоряжении ресурсов может являться его способность организовать предприятие, координировать использу-

емые им ресурсы, брать на себя риск и т. д. Он может также владеть и некоторыми из других производственных ресурсов, используемых предприятием, и тогда часть его дохода будет поступать в виде выручки за предоставление этими ресурсами услуг по рыночной цене. Если вместо деятельности одного промышленника мы рассмотрим деятельность современной акционерной компании, то сущность дела несколько не изменится. Мы употребляем здесь понятия „доход компании” или „доход фирмы” в переносном смысле. Акционерная компания является посредником между ее владельцами, то есть акционерами, и другими ресурсами, отличными от акционерного капитала, которыми компания пользуется за соответствующую оплату. Доход могут иметь только люди, и они получают его через посредство рынка за те ресурсы, которыми они владеют — будь то в виде акционерного капитала, облигаций, земли или, наконец, личных способностей человека.

В таких странах, как Соединенные Штаты, основным видом производственных ресурсов являются личные производственные возможности индивидуумов — то, что экономисты называют „человеческий капитал” (т. е. людские трудовые ресурсы, включая накопленные знания, образование, опыт и т. д.). Примерно три четверти всех доходов в Соединенных Штатах, извлекаемых в результате рыночных сделок, принимают вид денежного вознаграждения наемных работников (зарплаты рабочих и служащих плюс дополнительные выплаты), а около половины всех остальных доходов — это доход владельцев фермерских хозяйств и несельскохозяйственных предприятий, который представляет собой смесь выплат за работы, произведенные отдельным индивидуумом, и доходов с владения капиталом.

Накопление капитала в форме материальных активов (или „физического капитала”) — фабрик, шахт, административных зданий, торговых центров; автомобильных и железных дорог, аэропортов, легковых и грузовых автомобилей, самолетов, судов; плотин, нефтеперерабатывающих заводов, электростанций; жилых домов, холодильников, стиральных машин и бесконечного множества других видов физического

капитала — сыграло важнейшую роль в экономическом развитии. Без этого накопления мы никогда не достигли бы того экономического развития, плодами которого мы пользуемся. Если бы унаследованные материальные активы не пополнялись и не поддерживались, все средства, накопленные одним поколением, были бы растрacены следующим.

Однако накопление человеческого капитала — в виде возрастания накопленных знаний и трудовых навыков, улучшения здоровья людей и продления их жизни — также сыграло чрезвычайно важную роль. Оба вида капитала поддерживали и укрепляли друг друга. Физический капитал, предоставляя людям новые орудия и методы труда, позволял им производить больше продукции, а способность людей изобретать новые формы физического капитала, учиться с максимальной эффективностью применять физический капитал и организовывать использование как физического, так и человеческого капитала во все более и более широком масштабе, в свою очередь, повышало эффективность использования физического капитала. Как физический, так и человеческий капитал требует заботы и обновления. Процесс этот является даже более трудным и дорогостоящим, когда дело касается человеческого капитала, а не физического — главным образом именно по этой причине доходы владельцев человеческого капитала (т. е. самих работников) возросли в гораздо большей степени, чем доходы с физического капитала.

Количество ресурсов обоих рассмотренных выше типов, которыми каждый из нас обладает, частично определяется случайностью, и частично — решением (нашим собственным или чужим). Случайность определяет набор наших генов и через них оказывает влияние на наши физические и умственные способности. Случайность определяет также тип семьи и социальную и культурную среду, где мы родились и, как результат этого, предоставленные нам возможности развить свои физические и умственные способности. Случайность определяет и другие ресурсы, которые мы можем унаследовать от родителей или иных благодетелей и покровителей. Случайность может разрушить или, наоборот, приумножить те ресурсы, с которыми мы вступаем в жизнь. Но огромное

значение имеет также и фактор сознательного выбора. Принимаемые нами решения о том, как именно использовать имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы — трудиться в поте лица или не слишком усердствовать, выбрать ту или иную профессию, принять участие в том или ином рискованном предприятии, откладывать на черный день или тратить заработанные деньги — все это может оказать самое непосредственное влияние на то, растратим мы свои ресурсы или же, наоборот, приумножим. Подобные же решения наших родителей, покровителей и миллионов других людей, с которыми у нас может и не быть никаких прямых связей, влияют на то, что нам достанется в наследство.

Цена, которую устанавливает рынок за услуги, предоставляемые нашими ресурсами, точно так же зависит от запутанной мешанины случайных факторов и результатов чьего-то выбора. Голос Фрэнка Синатры высоко ценился в Соединенных Штатах двадцатого века. Был бы он столь же высоко оценен в Индии двадцатого века, случилось Фрэнку Синатре родиться и жить в Индии? Профессиональные качества охотника и траппера высоко ценились в Америке восемнадцатого и девятнадцатого столетий, но в Америке двадцатого столетия они ценятся намного ниже. В двадцатые годы нашего века умение играть в бейсбол приносило гораздо более высокий доход, чем умение играть в баскетбол, а в семидесятые годы это положение изменилось на противоположное. Все эти ситуации определяются сочетанием случайных факторов и сознательного выбора — в данных примерах главным образом выбора со стороны потребителей, определяющего относительную рыночную стоимость различных товаров и услуг. Однако цена, получаемая нами через посредство рынка за услуги, предоставляемые нашими ресурсами, также зависит от нашего собственного выбора и решения — где поселиться, как использовать эти ресурсы, кому продать оказываемые ими услуги и т. д.

В любом обществе, независимо от типа социальной организации, всегда существует неудовлетворенность его членов тем, как распределяются доходы. Всем нам трудно понять, почему мы получаем меньше тех, которые, как нам пред-

ставляется, заслуживают не больше нашего, или почему мы получаем больше тех людей, нужды и заслуги которых кажутся нам не меньшими, чем наши собственные. Все мы склонны подозревать, что „там хорошо, где нас нет” — и мы виним во всех грехах „существующую систему”. В условиях директивной системы зависть и неудовлетворенность направлены на „начальство”, а при системе свободного рынка они оборачиваются против рынка.

Одним из результатов такого подхода явились попытки отделить одну функцию ценовой системы — распределения доходов — от двух других — передачи информации и стимулирования. В течение последних десятилетий в Соединенных Штатах и других странах, где доминирующей является рыночная система, значительная часть правительственных мероприятий была направлена на изменение структуры распределения доходов, порождаемой свободным рынком, с целью их перераспределения и уравнивания. Более подробно мы рассмотрим этот вопрос в гл. 5.

Как ни хотелось бы нам желать противоположного, невозможно использовать рыночные цены в качестве передатчика информации и стимула реагировать на эту информацию без того, чтобы они не оказывали влияния (пусть даже не определяющего) на распределение доходов. Если то, что человек получает, не зависит от цены на услуги, предоставляемые его ресурсами, то откуда же возьмется у него заинтересованность в том, чтобы стремиться получить информацию о ценах и действовать в соответствии с этой информацией? Если бы доход Рэда Эдера был тем же самым независимо от того, выполняет ли он опасное задание по перекрытию вышедшей из-под контроля нефтяной скважины или же нет, то что заставило бы его взяться за этот тяжелый и опасный труд? Он мог бы сделать это однажды, приключения ради — но разве избрал бы он это своей профессией? Если бы ваш доход не зависел от того, добросовестно вы работаете или нет, то зачем бы вы стали вообще стараться? И зачем стали бы искать покупателя, который выше всего оценил бы ваш труд или товар, если бы вы не были в этом заинтересованы? Если бы не было вознаграждения за накопление капитала,

зачем нужно было бы его накапливать и откладывать на потом то, что можно истратить в свое удовольствие прямо сейчас? Зачем нужно было бы экономить? Каким образом образовался бы существующий физический капитал — благодаря добровольному самоограничению отдельных лиц? Если бы не было вознаграждения за сохранение капитала, то почему бы людям не растратить накопленный или унаследованный ими капитал? Если нельзя использовать цены как фактор, влияющий на распределение дохода, то их нельзя использовать и для других целей. Единственным заменителем цен в этом случае является метод принуждения и приказа. Соответствующим органам власти придется решать, кто что должен производить и в каком количестве, и аналогично будет решаться вопрос о том, кому подметать улицы, а кому быть директором фабрики, полицейским или врачом.

По-иному проявилась тесная связь между этими тремя функциями ценовой системы в коммунистических странах. Вся их идеология основана на приписывании капитализму эксплуатации трудящихся и, соответственно, на утверждении превосходства общества, которое основано на постулате Маркса „От каждого по способности, каждому — по потребности”. Но тот факт, что экономика не может развиваться, основываясь исключительно на приказах и директивах, не позволил правительствам этих стран полностью разделить доходы от цен.

В области материальных ресурсов — земли, капитальных сооружений и т. п. — им удалось пойти дальше всего, превратить их в собственность государства. Но и здесь налицо результаты того, что никто не заинтересован в сохранении и модернизации физического капитала. Когда владельцами собственности являются все, то владельца как такового у этой собственности нет, и никто не заинтересован в ее сохранении и улучшении ее состояния. Вот почему жилые дома в Советском Союзе, равно как и муниципальные жилые дома в Соединенных Штатах, через год-другой после заселения выглядят дряхлыми и ветхими. Вот почему станки на государственных заводах постоянно ломаются и нуждаются в ремонте, вот почему граждане вынуждены обращаться

к услугам „черного рынка”, чтобы поддерживать в исправности то, что находится в их личной собственности.

В области людских ресурсов коммунистические правительства, хоть и старались, но не сумели зайти столь далеко, как в области материальных ресурсов. Им даже пришлось разрешить людям владеть личной собственностью в определенных пределах и принимать решения самостоятельно, и допустить, чтобы цены влияли на эти решения и направляли их, а также определяли получаемый гражданами доход. Разумеется, коммунистические правительства исказили цены, воспрепятствовав их превращению в свободные рыночные цены, но полностью устранить силы, действующие на свободном рынке, им не удалось.

Убедительные примеры неэффективности директивной системы привели к тому, что в органах планирования социалистических стран – СССР, Чехословакии, Венгрии, Китая – неоднократно обсуждались различные проекты более широкого использования рыночных механизмов в организации производства. На конференции экономистов социалистических и капиталистических стран мы однажды слышали блистательное выступление экономиста-марксиста из Венгрии, который вновь открыл для себя „невидимую руку” Адама Смита. Не правда ли, замечательное, хоть и несколько запоздавшее, достижение человеческого ума? Однако наш ученый коллега решил усовершенствовать эту теорию – стремясь использовать ценовую систему для передачи информации и эффективной организации производства и в то же время не дать ей возможности влиять на распределение доходов. Нет нужды добавлять, что он провалился в теории так же, как экономика коммунистических стран потерпела провал на практике.

Более широкий взгляд на принцип добровольного обмена

Обычно считают, что механизм „невидимой руки” Адама Смита относится к купле-продаже товаров или услуг за деньги. Однако экономическая деятельность отнюдь не

является единственной сферой в жизни человека, когда в результате сотрудничества огромного числа людей, каждый из которых преследует свои интересы, стихийно возникает сложная и высокоорганизованная структура.

Рассмотрим, например, язык, который представляет собой сложную, постоянно изменяющуюся и развивающуюся структуру. Структура эта строго упорядочена, хотя ее не планировал никакой центральный орган. Никто не выносил специального решения, какие слова должны входить в наш словарь, какие должны быть приняты грамматические правила, что считать существительным, а что прилагательным. Французская Академия пытается контролировать изменения во французском языке, но это явление сравнительно недавнее. Академия была основана спустя длительное время после того, как французский язык уже сформировался в стройную систему, и ее роль в данном случае заключается главным образом в санкционировании тех изменений в языке, над которыми у нее нет никакой власти. А в подавляющем большинстве других стран и вообще никогда не было аналогичных органов „языкового контроля”.

Как же развивался язык? Этот процесс во многом схож с развитием упорядоченной экономической структуры через посредство рынка. Язык сформировался в результате добровольного взаимодействия отдельных личностей, которые в этом случае, вместо обмена товарами и услугами, стремились к обмену идеями, информацией, либо просто сплетнями и слухами. За некоторым словом закреплялось то или иное значение, или по мере необходимости в язык добавлялись новые слова. Развивалась грамматика, которая позднее была закреплена в своде правил. Из двух партнеров, которые хотят общаться друг с другом, оба выигрывают в результате прихода к соглашению относительно значения употребляемых ими слов. По мере того, как все больше и больше людей находят выгодным и полезным общаться с другими людьми, общеупотребительные слова распространяются все шире, а их значения закрепляются в словарях. Ни на одном этапе здесь нет места для принуждения или центрального планирующего органа, обладающего распорядительной

властью — хотя с развитием системы государственных школ ей довелось сыграть важную роль в деле унификации грамматических правил и словоупотребления.

Другим примером является наука. Структура таких ее отраслей, как физика, химия, метеорология, философия, гуманитарные науки, социология, экономика, возникла вовсе не в результате чьего-либо сознательного решения. Она развилась сама собой — как говорят дети, „так само вышло”, — просто потому, что такая структура оказалась удобной для самих ученых. Она не является застывшей, но меняется по мере возникновения новых потребностей.

Какую бы дисциплину мы ни рассматривали, процесс ее развития абсолютно идентичен процессам, происходящим в сфере свободного рынка. Ученые сотрудничают между собой, поскольку они находят это сотрудничество взаимовыгодным. Они берут из работ своих коллег то, что считают полезным, и обмениваются полученными результатами с помощью устных сообщений, рассылки препринтов и публикаций в специальных журналах и монографиях. Сотрудничество это осуществляется в международном масштабе — и здесь налицо сходство с торговым обменом. Высокая репутация и признание со стороны коллег во многом выполняет в научном мире ту же функцию, что и денежное вознаграждение на экономическом рынке. Стремление заслужить эту репутацию и добиться признания своих работ коллегами по науке заставляет ученого вести свои исследования в наиболее перспективных направлениях. По мере того, как один ученый вносит свой кирпичик в здание, строительство которого было начато другими, целое становится больше суммы его частей, а его собственные работы, в свою очередь, закладывают фундамент для дальнейшего развития. Современная физика в такой же степени является детищем свободного рынка идей, как и современный автомобиль — свободного рынка товаров. Опять-таки и в этом случае (особенно в последние годы) спонтанное развитие науки испытало сильное влияние вмешательства правительства, которое затронуло как наличные ресурсы, так и структуру спроса на определенные виды научного знания. Здесь, однако,

влияние правительства сыграло лишь второстепенную роль. Дело в том (и в этом заключается один из парадоксов данной ситуации), что многие из тех самых ученых, что громче всех выступали за централизованное правительственное планирование экономической деятельности, отчетливо осознали всю опасность для научного прогресса, которую несет с собой централизованное планирование науки — когда выбор приоритетных направлений перестает быть стихийным результатом поисков и открытий отдельных ученых, а навязывается научному миру властью правительства.

Моральные ценности общества, его культура, обычаи и традиции развивались точно таким же образом — путем добровольного обмена и стихийного сотрудничества, путем эволюции некоторой сложной структуры в процессе проб и ошибок, принятия или отбрасывания различных вариантов. Ни один монарх никогда не издавал указа о том, чтобы музыка, предпочитаемая населением, например, Калькутты, в корне отличалась от музыки, предпочитаемой жителями Вены. Эти два совершенно отличных друг от друга типа музыки образовались и развились без чьего-либо „планирования”, путем своего рода социальной эволюции, аналогичной биологической эволюции. Разумеется, отдельные суверены или даже избранные гражданами правительства могли оказывать определенное влияние на направление этой эволюции, покровительствуя тому или иному музыканту или какому-то направлению в музыке — точно так же, как это делали отдельные состоятельные лица, бравшие на себя роль меценатов.

Структуры, образовавшиеся в результате добровольного обмена — будь то язык, научная дисциплина, музыкальный стиль или экономическая система — живут своей собственной жизнью. Они способны принимать множество различных форм под влиянием конкретных обстоятельств. Добровольный обмен может привести к единообразию в каких-то аспектах, сочетающемуся с разнообразием — в других. Это тонкий и сложный процесс, общие принципы и закономерности которого сравнительно нетрудно понять, но результаты которого редко можно предвидеть во всех подробностях.

Все эти примеры говорят не только о широком диапазоне действия механизма добровольного обмена, но и о том, что понятию „личные интересы” следует придать более широкое толкование. Узкая сосредоточенность на проблемах экономического рынка привела к тому, что понятие „личные интересы” стало узко интерпретироваться как близорукий эгоизм и исключительная забота о немедленной материальной выгоде. Экономическую науку незаслуженно обвиняют в том, что она позволяет себе делать далеко идущие выводы, исходя из совершенно нереалистической модели „гомо экономикус”, который представляет собой нечто лишь чуть-чуть более человеческое, чем вычислительная машина, реагирующая лишь на денежные стимулы. Нет ничего более далекого от истины. Личные интересы – это отнюдь не близорукий эгоизм. Личные интересы – это то, в чем заинтересованы участники добровольного обмена, а их цели, моральные ценности и устремления могут при этом быть какими угодно. Ученый, старающийся расширить границы науки, миссионер, помогающий неверующим обрести истинную веру, филантроп, жертвующий на нужды бедных – все эти люди преследуют свои личные интересы в том смысле, как они их видят и воспринимают в соответствии со своими системами ценностей.

Роль правительства в свободном обществе

Какова же роль правительства в системе, основанной на принципе добровольного обмена и сотрудничества? До некоторой степени правительство само является формой добровольного сотрудничества, ибо оно есть не что иное, как способ, выбираемый людьми для достижения некоторых из своих целей, поскольку они предполагают, что наиболее эффективно это можно осуществить с помощью соответствующих правительственных органов.

Самой наглядной иллюстрацией такого положения вещей могут служить местные органы самоуправления, функционирующие в таких условиях, когда люди могут свободно выбирать себе место жительства. Вы можете решить жить

в том или ином штате, округе, кантоне и т. п., исходя, в частности, из тех услуг, которые предоставляют местные органы самоуправления. Если они предпринимают мероприятия, против которых вы возражаете или за которые вы не намерены платить, и эти действия перевешивают те мероприятия, которые вы одобряете и за которые платить согласны, то вы „голосуете ногами”, выбирая себе другое место жительства. Это реальная, хоть и ограниченная, конкуренция — и она существует до тех пор, пока у вас имеется реальный выбор.

Но роль правительства этим не ограничивается. Оно также представляет собой тот орган, который, как принято полагать, обладает монополией на законное использование силы (или угрозы ее применения) в качестве средства, при помощи которого одни из нас могут в законном порядке принудительно воздействовать на других. Роль правительства в этом, более глубоком смысле, с течением времени претерпела кардинальные изменения в большинстве обществ и характеризовалась широкими различиями в разных обществах в любой момент истории. Значительная часть этой книги посвящена тому, как изменилась роль правительства в Соединенных Штатах в течение последних десятилетий, и каковы были результаты проводимых им мероприятий.

Пока что мы обсудим совсем другой вопрос: какая роль должна быть отведена правительству в обществе, члены которого — как личности, семьи, члены добровольных объединений и как граждане организованного государства — стремились бы достичь максимально возможной свободы выбора различных возможностей?

Нелегко ответить на этот вопрос лучше, чем это сделал два столетия назад Адам Смит:

„Таким образом, поскольку совершенно отпадают все системы предпочтения или стеснений, очевидно остается и сама собою утверждается простая и незамысловатая система естественной свободы. Каждому человеку, покуда он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и вступать в конкуренцию своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица или даже

целого сословия. Государь совершенно освобождается от обязанности, при выполнении которой он всегда будет подвергаться бесчисленным обольщениям и заблуждениям, и надлежащее выполнение которой недоступно никакой человеческой мудрости или знанию — от обязанности руководить трудом частных лиц и направлять его к занятиям, наиболее соответствующим интересам общества. Согласно системе естественной свободы, государю надлежит выполнять только три обязанности — правда, три обязанности весьма важного значения, но ясные и понятные для обычного разума: во-первых, обязанность ограждать общество от насилий и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать, по мере возможности, каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить строгое и беспристрастное отправление правосудия; и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах никаких отдельных лиц или небольших групп, ибо прибыль от них никогда не сможет окупить затраты любого отдельного лица или небольшой группы лиц, хотя зачастую они и смогут с лихвой окупиться большому обществу”.

Первые две обязанности государства (государя)² просты и недвусмысленны: это защита членов общества от принуждения со стороны своих сограждан или извне. Если мы не защищены от принуждения, мы не обладаем реальной свободой выбора. Когда вооруженный грабитель обращается ко мне со словами „кошелек или жизнь”, он предоставляет мне своего рода выбор, но никак нельзя сказать, что выбор этот свободный или что последующий „обмен” является добровольным.

Конечно, как мы еще не раз увидим на страницах этой книги, одно дело — установить цель, которой какое-либо учреждение, в частности, государственное учреждение, „призвано” служить, и совершенно иное дело — охарактеризовать те цели, которым это учреждение служит в действительности. Цели людей, ответственных за создание какого-либо учреж-

дения, зачастую резко отличаются от целей тех, кто им руководит или там служит. И, что не менее важно, полученные результаты часто также ощутимо отличаются от планировавшихся.

От регулярных вооруженных сил и полиции любой страны требуется ограждать членов общества от принуждения и насилия, исходящего как извне, так и изнутри общества. Эти учреждения не всегда успешно справляются со своими обязанностями, и та власть, которой они обладают, часто используется в совершенно иных целях. Одна из важнейших задач в деле построения и сохранения свободного общества заключается именно в том, чтобы найти способ обеспечить такое положение, когда полномочия применять насилие, предоставленные государству для того, чтобы защищать свободу, остаются в рамках именно этой функции и не могут превратиться в угрозу же свободе. Отцы-основатели Соединенных Штатов при разработке нашей Конституции приложили все усилия, чтобы разрешить эту проблему; мы же слишком часто не придавали ей серьезного значения.

Постулируемая Адамом Смитом вторая обязанность выходит за рамки собственно полицейской функции — защиты членов общества от физического насилия; она включает в себя „строгое и беспристрастное отправление правосудия”. Любая добровольная сделка, отличающаяся хоть какой-то сложностью или распространяющаяся хоть на сколько-нибудь продолжительный промежуток времени, может стать источником неясности и двусмысленных толкований. Всего мелкого шрифта в мире не хватило бы, чтобы заранее уточнить все могущие возникнуть непредвиденные обстоятельства и детально сформулировать обязательства различных участвующих в сделке сторон в каждом конкретном случае. Поэтому должен существовать какой-то метод посредничества в деле разрешения спорных вопросов. Такое посредничество само по себе может быть добровольным и не требует участия государственных органов. Сегодня в Соединенных Штатах большинство спорных вопросов, касающихся коммерческих контрактов, разрешается при помощи частных арбитражных организаций, выбираемых в соответствии

с заранее установленной процедурой. Чтобы удовлетворить спрос на эти услуги, в стране выросла целая система частных судебных органов. Однако в качестве судов последней инстанции выступают суды, относящиеся к государственной судебной системе.

Эта роль государства как посредника включает в себя также установление общих правил, способствующих упрощению и развитию механизмов добровольного обмена — своего рода „правил игры” в сфере экономических и социальных отношений, в которой участвуют граждане свободного общества. Наиболее очевидным примером в этой области является проблема толкования понятия „частная собственность”. Допустим, я владею домом. Можно ли говорить о „противоправном нарушении владения с причинением вреда”, если вы на своем частном самолете пролетаете над крышей моего дома на высоте трех метров? На высоте трехсот метров? Десяти тысяч метров? Не существует никакой „естественной” границы, определяющей, где кончаются мои права собственности и начинаются ваши. Одним из основных способов, с помощью которого общество пришло к соглашению о нормах, регулирующих имущественные права, было развитие системы общего права,³ хотя в новейшие времена все более возрастающую роль играло законодательство.

Третья обязанность, упоминаемая Адамом Смитом, приводит к наиболее трудным проблемам. Сам Адам Смит считал, что она затрагивает лишь некоторый узкий круг приложений, но с тех пор на нее неоднократно ссылались, когда требовалось подвести базу под самые разнообразные правительственные мероприятия. С нашей точки зрения эта обязанность есть не что иное, как долг каждого правительства предпринимать обоснованные надлежащим образом меры, направленные на сохранение и укрепление свободного общества. Тем не менее, она может интерпретироваться и таким образом, чтобы послужить оправданием безграничного расширения власти государства.

Оговорка о „надлежащей обоснованности” возникает здесь в связи с расходами на производство некоторых товаров или предоставление услуг посредством механизма строго

добровольного обмена. Рассмотрим один простой пример третьей обязанности государства по отношению к обществу. Городские улицы и автомобильные дороги общего пользования могут быть сооружены в рамках добровольных сделок между частными предпринимателями, а стоимость работ может быть окуплена путем взимания платы за пользование ими. Однако, расходы по сбору платы за проезд зачастую были бы непомерно велики по сравнению с издержками на сооружение улиц и шоссейных дорог, а также на поддержание их в исправности. Перед нами пример, в точности соответствующий определению „общественного сооружения, ... создание и содержание которого не может быть в интересах никаких отдельных лиц... хотя и” может быть полезным для „большого общества”.

Другой, более тонкий пример – классический случай „убытков от дыма” – относится к „последствиям для третьих сторон”, то есть людей, не являющихся сторонами в какой-то конкретной сделке между двумя партнерами. Предположим, что сажа, вылетающая из трубы принадлежащей вам печки, загрязняет воротничок сорочки, принадлежащей „третьей стороне”. Тем самым вы непреднамеренно вводите „третью сторону” в убытки. „Потерпевший” мог бы и добровольно согласиться на такое положение, если бы вы ему за это заплатили. Однако для вас практически совершенно невозможно определить, чьи именно воротнички испачканы дымом из вашей трубы, а их владельцы не в состоянии обнаружить, кто послужил причиной загрязнения их одежды, и потребовать, чтобы вы в индивидуальном порядке возместили им убытки или достигли с каждым из них полюбовного соглашения по этому вопросу на будущее.

Последствия ваших действий могут быть и таковы, что третьи стороны извлекают из них пользу. Предположим, что вы посадили вокруг вашего дома редкой красоты цветы и деревья, и все проезжающие только и делают, что любуются ими. Возможно, они и согласились бы заплатить за такое удовольствие, но взимать с каждого из них соответствующую плату просто нереально.

Выражаясь языком специалистов, мы имеем здесь дело

с „неэффективностью рыночного механизма”, обусловленной наличием так называемых „внешних эффектов”, то есть таких последствий для третьих сторон, которые не могут быть скомпенсированы с помощью механизма добровольного обмена (просто потому, что это обошлось бы слишком дорого). Действительно, если невозможно возместить третьим сторонам понесенные ими убытки или назначить цену за извлекаемые ими выгоды, то ни о какой добровольности больше не может быть и речи: третьи стороны оказываются автоматически вовлеченными в навязанный им „обмен”.

Почти все наши действия приводят к каким-то последствиям для третьих сторон, сколь бы ничтожными и отдаленными ни были эти „внешние эффекты”. Поэтому на первый взгляд может показаться, что сформулированная Адамом Смитом третья обязанность является оправданием практически любых предлагаемых правительством мероприятий, призванных скомпенсировать неэффективность рыночного механизма, обусловленную наличием „внешних эффектов”. Этот вывод, однако, ошибочен. Дело в том, что правительственные меры также оказывают воздействие на третьи стороны, и подобные „внешние эффекты” точно так же являются причиной „неэффективности правительственных мероприятий”. И если эти эффекты важны в случае рыночной сделки, то их нельзя не учитывать и в случае правительственных мероприятий, предпринимаемых с целью компенсации неэффективности рынка.

Основным источником ощутимых „внешних” эффектов частных сделок является трудность или даже невозможность определить, кого именно они затрагивают. Когда легко обнаружить, кто потерпел ущерб, а кто извлек выгоду из сложившейся ситуации, и в каком именно размере, то сравнительно нетрудно заменить недобровольное участие в сделке добровольным, или хотя бы потребовать индивидуального возмещения за понесенные убытки. Если ваш автомобиль в результате вашей неосторожности столкнулся с машиной, принадлежащей другому конкретному лицу, то вам придется ему заплатить за причиненный ущерб, даже не-

смотря на то, что эта „делка” и не была добровольной. Если бы было легко определить, чьи именно воротнички оказались загрязненными дымом от вашей печки, то для вас стало бы возможным возместить этим людям понесенные ими „убытки от дыма” или же, наоборот, они могли бы вам заплатить за то, чтобы ваша печка меньше дымила.

Если частным лицам трудно определить, кто и кого именно вводит в убытки или кто и за чей счет извлекает выгоду из некоторой рыночной сделки, то столь же трудно разобраться в этом и правительству. В результате его попытки исправить положение вполне могут закончиться тем, что ситуация только ухудшится: предпринятые правительством меры приведут к тому, что либо ни в чем не повинные третьи стороны будут введены в убытки, либо же в выигрыше неожиданно для себя окажутся неизвестно откуда взявшиеся счастливики. Далее, чтобы финансировать свои мероприятия, правительство должно собирать налоги, которые сами по себе влияют на действия налогоплательщиков — что представляет собой еще один „внешний эффект”. Помимо того, любое усиление власти правительства, с какой бы целью оно ни осуществлялось, увеличивает опасность того, что правительство, вместо того чтобы служить большинству граждан, может превратиться в орудие, с помощью которого некоторые из них смогут обогащаться за счет других. Если вернуться к нашему примеру с дымящей печкой, то можно сказать, что за каждым правительственным мероприятием кроется огромная заводская труба.

„Внешние эффекты” вполне могут заранее учитываться даже в рамках сугубо добровольных сделок, причем в гораздо большей степени, чем это может показаться на первый взгляд. Приведем простой пример с чаевыми в ресторане. Давая чаевые, вы тем самым обеспечиваете лучшее обслуживание людям, которых вы не знаете и, возможно, никогда не встречали. В свою очередь, вас лучше обслуживают благодаря аналогичным действиям неизвестных вам „третьих сторон”. И все же иногда „внешние эффекты” действий частных лиц могут оказаться настолько серьезными, что без вмешательства правительства уже нельзя будет обойтись. Урок, ко-

торый следует извлечь из фактов злоупотребления сформулированной А. Смитом третьей обязанностью правительства перед обществом, заключается не в том, что вмешательство государства в деятельность свободного рынка никогда не оправдано, но в том, что так называемое „бремя доказывания” полезности такого вмешательства должно лежать на тех, кто его предлагает. Мы должны ввести в практику систематическое проведение анализа результатов и затрат для любого предлагаемого в области экономики правительственного мероприятия и каждый раз требовать, чтобы в общем балансе первые явно перевешивали вторые. Только после этого данное мероприятие может быть одобрено. Такая последовательность действий желательна не только потому, что очень трудно оценить скрытые издержки, которые повлечет за собой вмешательство правительства, но также в связи с еще одним обстоятельством. Именно, опыт показывает, что если уж правительство начинает осуществлять какую-либо программу, то остановить ее проведение в жизнь становится позже практически невозможно. Даже если результаты не оправдали ожиданий, вряд ли провалившаяся программа будет свернута или вообще отменена. Гораздо более вероятно, что это приведет к ее расширению и выделению дополнительных ассигнований.

Четвертая обязанность правительства, которую Адам Смит не сформулировал в явном виде, представляет собой обязанность защищать интересы тех членов общества, которые не в состоянии сами отвечать за свои действия. Эта обязанность, как и предыдущая, предоставляет поле для самых широких злоупотреблений, однако обойтись без нее нельзя.

Было бы неразумно провозглашать свободу в качестве идеала для всех, в том числе и для „безответственных” лиц: мы не верим в свободу для детей и душевнобольных. Мы должны каким-то образом провести черту между теми, кто отвечает за свои поступки, и всеми остальными, хотя такое деление и вносит весьма серьезный элемент произвола в наше понимание свободы как конечной цели для всего общества в целом. Мы не можем категорически отвергнуть политику патернализма⁴ (то есть опеки государства со всеми выте-

кающими отсюда последствиями) в отношении тех, кого мы считаем неспособными отвечать за свои действия.

Ответственность за детей мы возлагаем в первую очередь на родителей. Семья, а не индивидуум, всегда являлась и является тем краеугольным камнем, на котором зиждется наше общество, хотя в последние годы ее влияние явно и неуклонно продолжало ослабевать — что является одним из самых неблагоприятных последствий правительственного патернализма. Тем не менее, возложение ответственности за детей на их родителей вытекает скорее из практической целесообразности, нежели принципиальных соображений. У нас есть все основания полагать, что родители более, чем кто-либо другой, заинтересованы в счастливом будущем своих детей и сделают все возможное, чтобы обеспечить их нужды и проследить, чтобы из них выросли полноправные члены общества. Тем не менее, мы не считаем, что родителям дано право делать со своими детьми все, что им заблагорасудится — бить их, убивать или продавать в рабство. Ребенок — это полноправная личность в зачаточном состоянии. У детей есть свои собственные неотъемлемые права и они не могут быть лишь игрушками в руках своих родителей.

Выдвинутые Адамом Смитом „три обязанности государства”, или сформулированные нами четыре обязанности правительства — это и в самом деле „обязанности весьма важного значения”, но они гораздо менее „ясны и понятны для обычного разума”, чем это предполагал в свое время их автор. Хотя мы и не можем решать вопрос о желательности или нежелательности того или иного фактически осуществляющегося или предлагаемого вмешательства государства в систему свободной конкуренции, механически ссылаясь на тот или иной постулат Адама Смита, эти три постулата дают нам набор принципов, которые мы можем использовать при составлении баланса всех „за” и „против”, когда дело касается какого-то конкретного мероприятия. И тогда оказывается, что даже при самом расширительном толковании этих принципов они оказываются несовместимыми с большинством осуществляемых сегодня правительственных мероприятий. Оказывается, что все эти „системы пред-

почтения или стеснений”, против которых боролся Адам Смит, и которые впоследствии были ликвидированы, сегодня вновь возродились в виде таможенных тарифов, устанавливаемых правительством цен или предельных размеров заработной платы, в виде ограничений при выборе различных занятий и других многочисленных отступлений от его „прстой и незамысловатой системы естественной свободы”.

Конкретные примеры обществ с ограниченной властью государства

Может показаться, что в сегодняшнем мире модель общества с сильной централизованной властью⁵ распространилась повсюду. У нас есть все основания усомниться, что существует хотя бы один современный пример общества, которое в деле организации своей экономической жизни в основном полагалось бы на принцип добровольного обмена посредством свободного рынка, и где роль государства сводилась бы к выполнению четырех перечисленных нами обязанностей.

Однако такие примеры есть, и самым лучшим из них является, вероятно, Гонконг — клочок земли по соседству с континентальным Китаем, площадью примерно 1000 кв. км. и с населением около 4,5 млн. человек. Плотность населения Гонконга почти невообразима — в 14 раз больше, чем в Японии, и в 185 раз больше, чем в США. Тем не менее, уровень жизни населения Гонконга является одним из самых высоких в Азии, уступая лишь Японии и, возможно, Сингапуру.

В Гонконге не существует таможенных тарифов или иных ограничений на международную торговлю (за исключением нескольких „добровольных” ограничений, навязанных Гонконгу Соединенными Штатами и некоторыми другими крупными странами), отсутствует правительственное руководство экономической деятельностью, нет законов о минимальной заработной плате и устанавливаемых „сверху” цен. Жители Гонконга свободны сами выбирать, кому продавать свой товар и у кого покупать, каким образом распоряжаться своим капиталом, кого нанимать на работу и на кого работать.

Правительству здесь отводится важная роль, которая в основном ограничена перечисленными выше четырьмя обязанностями, на практике интерпретируемыми скорее в узком смысле. Правительство Гонконга обеспечивает соблюдение правозащитности, предоставляет средства кодификации правил поведения граждан, рассматривает споры, способствует функционированию транспорта и средств связи и ведает эмиссией денег. Правительство также взяло на себя сооружение жилищ, предоставляемых беженцам из КНР. Хотя государственные расходы возрастали вместе с экономическим развитием страны, они по-прежнему остаются одними из самых низких в мире в пересчете на долю по отношению к доходам населения. Поэтому в Гонконге низкие налоги, что способствует сохранению стимулов к получению высоких прибылей. Бизнесмены могут сами пожинать плоды своих успехов, но должны сами и расплачиваться за свои ошибки.

Есть что-то несообразное в том, что именно Гонконг — британская колония! — должен служить в качестве образца страны со свободным рынком и ограниченной властью государства. Дело, однако, в том, что своим процветанием Гонконг обязан простому факту: управлявшие этой колонией британские должностные лица следовали политико-экономической стратегии, в корне отличной от политики „государства всеобщего благоденствия”,⁶ проводившейся на территории метрополии.

Гонконг является прекрасным современным примером общества с ограниченной властью государства и свободным рынком, но его ни в коем случае нельзя считать самым выдающимся примером такого общества в истории человечества: такие примеры относятся к девятнадцатому столетию. Один из них — это Япония в течение первых трех десятилетий после реставрации Мейдзи в 1867 г.⁷ (его рассмотрение мы оставим до гл. 2.).

Два других — это Великобритания и Соединенные Штаты. Книга Адама Смита *Богатство народов* стала одним из первых снарядов в баталиях за ликвидацию предпринимаемых правительствами ограничительных мер в области про-

мышленности и торговли. Окончательная победа в этой войне была одержана 70 лет спустя — с отменой так называемых Хлебных законов. Эти законы, существовавшие в Англии с пятнадцатого века, навязывали тарифные и другие ограничения на импорт пшеницы и других зерновых, объединенных под общим названием „хлеба”. Отмена Хлебных законов стала прологом к периоду абсолютно свободной торговли, продолжавшемуся в течение трех четвертей столетия — вплоть до начала первой мировой войны. Она также ознаменовала собой завершение длившегося десятилетия перехода к общественному устройству с крайне ограниченной властью правительства, при котором каждому жителю Великобритании, говоря словами Адама Смита, „предоставлялось совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и вступать в конкуренцию своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и даже целого сословия”.

Вместе с бурным экономическим ростом стремительно повышался жизненный уровень рядовых английских граждан — и на этом фоне становились еще более заметными по-прежнему сохранявшиеся очаги нищеты и страданий, столь выразительно изображенные Диккенсом и другими писателями того времени. По мере повышения жизненного уровня возрастала численность населения; усиливались мощь и влияние Великобритании во всем мире. И при всем этом государственные расходы в пересчете на долю национального дохода снижались — от примерно одной четверти в начале девятнадцатого столетия до одной десятой к моменту „алмазного юбилея” (60-летия правления) королевы Виктории в 1897 г., когда Великобритания была в зените своей славы и могущества.

Еще одним поразительным примером успехов общества с ограниченной властью государства и с доминирующей свободнорыночной экономикой являются Соединенные Штаты Америки. Здесь, правда, существовали таможенные тарифы, в защиту которых выступал Александр Гамильтон в своей знаменитой работе *Отчет по мануфактурам*, где он пытался — без всякого, впрочем, успеха — опровергнуть

аргументы Адама Смита в пользу свободной торговли. Но тарифы эти по современным масштабам были умеренными, а других правительственных ограничений, распространяющихся на свободную торговлю внутри страны и вне ее, было немного. Вплоть до окончания первой мировой войны для въезда в США всех желающих не было почти никаких преград (существовавшие ограничения касались иммиграции из стран Востока). Этот принцип провозглашала и надпись на статуе Свободы:⁸

Отдай мне всех, отринутых тобой —
изгоев, нищих, сломленных судьбой,
усталых, жаждущих расправить грудь —
дай мне плевелы с тучных нив твоих:
раскрыв объятия, я встречаю их,
и светоч мой им озаряет путь.

Они приезжали миллионами и миллионами растворялись в населении Америки, и преуспевали здесь именно потому, что оказывались предоставленными самим себе.

До сего дня еще бытует миф о Соединенных Штатах девятнадцатого века как об эпохе грабителей-толстосумов и жестокого, ничем не обузданного индивидуализма. Мы нередко слышим рассказы о том, как бессердечные монополисты эксплуатировали бедноту, зазывали в страну иммигрантов, а затем обирали их до последней нитки. Заправила Уолл-стрита только тем и занималась, что обжуливали наивных провинциалов и высасывали все соки из крепейшей-фермеров Среднего Запада, которые не сдавались и ухитрялись выживать под градом обрушивавшихся на них невзгод.

Действительность выглядела по-другому. В страну продолжали прибывать иммигранты. Самые первые из них, возможно, и стали жертвами обмана или мошенничества, но невозможно себе представить, чтобы миллионы продолжали прибывать в США десятилетие за десятилетием, зная, что их уделом станет безжалостная эксплуатация. Они ехали сюда потому, что надежды их предшественников в значительной степени оправдывались. Улицы Нью-Йорка не были мощены золотом, но упорный труд, бережливость и предприимчивость окупались сторицей и приносили такие плоды,

о которых в Старом Свете невозможно было и мечтать. Новые американские граждане селились по всей стране, от океана до океана. Там, где они оседали, возникали новые города, и все бльшие и бльшие пространства никогда ранее не возделываемых земель начинали приносить урожай. Страна богатела, рос объем промышленной и сельскохозяйственной продукции, и иммигранты на равных пользовались плодами этого процветания.

Если фермеры в США подвергались эксплуатации, то почему же их становилось все больше? Цены на сельскохозяйственные продукты снижались, но это было признаком успеха, а не провала сельского хозяйства, поскольку снижение цен отражало стремительное увеличение объема сельскохозяйственного производства, обусловленное развитием механизации, расширением площади обрабатываемых земель и улучшением сети коммуникаций. Неопровержимым доказательством правильности такой интерпретации является тот факт, что цены на пригодные для обработки земельные участки непрерывно росли — а это вряд ли признак того, что сельское хозяйство находилось в упадке.

Обвинение в бессердечности, лаконично выражающееся в реплике, брошенной железнодорожным магнатом Уильямом Вандербильтом в ответ на какой-то вопрос репортера — „На народ наплевать” — опровергается тем, что в девятнадцатом веке в Соединенных Штатах пышно расцвела благотворительность. В это время было основано большое количество финансируемых частными лицами школ и колледжей, бурно кипела деятельность иностранных миссионеров, как грибы выросли не приносящие дохода больницы, детские дома и огромное количество иных подобных учреждений. Почти все организации, целью которых была благотворительность или общественное обслуживание — начиная с „Общества защиты животных” и „Ассоциации прав индейцев” и кончая такими, как „Христианский молодежный союз” (ИМКА) или „Армия спасения” — родились именно в этот период. В организации благотворительности принцип добровольного сотрудничества является не менее эффективным, чем в организации производства ради прибыли.

Наряду с благотворительной активно развивалась культурная деятельность — картинные галереи, оперные театры, симфонические оркестры, музеи и публичные библиотеки возникали как в крупных промышленных центрах, так и в небольших городках вдоль границы продвижения переселенцев.

Одним из критериев роли государственной власти в обществе являются государственные расходы. Статистика говорит, что с 1800 по 1929 годы (не принимая во внимание периоды крупных войн) государственные расходы в США не превышали 12% от национального дохода. Две трети от этих сумм представляли собой расходы правительств отдельных штатов и органов местного самоуправления, которые шли в основном на строительство школ и дорог. Еще в 1928 году расходы федеральных ведомств составляли всего лишь около 3% от национального дохода.

Успешное развитие Соединенных Штатов часто приписывают тому, что Америка представляет собой страну, щедро одаренную природными богатствами и обширными открытыми пространствами. Эти факторы, несомненно, играли определенную роль, но если бы именно они были решающими, то чем же тогда объясняются успехи Великобритании и Японии в девятнадцатом веке или Гонконга — в наше время?

Часто слышатся голоса, что политика ограниченной власти государства, политика невмешательства государства в экономические отношения годилась лишь для редкозаселенной Америки девятнадцатого столетия, и что в современном урбанизованном индустриальном обществе государство должно играть гораздо более активную, и даже доминирующую роль. Проведите один час в Гонконге — и вы убедитесь, что мнение это ошибочно.

Наше общество таково, каким его делаем мы сами. Мы сами можем определять форму и структуру наших общественных институтов. Разумеется, при этом многообразие доступных нам возможностей ограничено как чисто техническими факторами, так и особенностями человеческой природы — однако ничто не может воспрепятствовать нам (если мы действительно этого хотим) в построении общества,

опирающегося в организации экономической и иных видов деятельности прежде всего на принцип добровольного сотрудничества. Только от нас самих зависит создание такого общества, которое охраняет и расширяет свободу человеческой личности, не допускает чрезмерного расширения власти государства и следит за тем, чтобы правительство всегда оставалось слугой народа и не превращалось в его хозяина.

СВОБОДА, РАВЕНСТВО И ЭГАЛИТАРИЗМ

„Равенство”, „свобода” — что именно означают эти слова из Декларации независимости? Могут ли идеалы, которые они выражают, быть претворены в жизнь? Являются ли свобода и равенство совместимыми понятиями или же они противоречат друг другу?

Эти вопросы были центральными на протяжении всей истории Соединенных Штатов еще задолго до провозглашения Декларации независимости. Усилия, предпринимаемые для их разрешения, формировали интеллектуальную среду, приводили к кровавым войнам и вызывали коренные изменения в экономических и политических структурах. Обсуждение этих вопросов по-прежнему занимает центральное место и в наших политических дебатах. Наши усилия разрешить их определяли наше прошлое и точно так же будут определять наше будущее.

В первые десятилетия существования Республики равенство означало равенство перед Богом, в то время как свобо-

да означала свободу индивидуума строить свою жизнь по собственному усмотрению. В центре внимания в то время было очевидное противоречие между Декларацией независимости и фактом существования рабства. Это противоречие было в конечном счете разрешено гражданской войной между Севером и Югом. Споры по этим вопросам перешли затем в другое русло. Равенство все чаще интерпретировалось как „равенство возможностей” — в том смысле, что никто не имеет права произвольно препятствовать другим индивидуумам в использовании их возможностей для достижения поставленных ими перед собой целей. Таков основной смысл, который и сейчас вкладывает в это выражение большинство граждан Соединенных Штатов.

Идея равенства перед Богом, как и идея равенства возможностей, не вступали в конфликт со свободой каждого человека строить собственную жизнь по своему усмотрению. Как раз наоборот — равенство и свобода отражали два дополняющих друг друга аспекта одной и той же основополагающей идеи: что каждый индивидуум должен рассматриваться как самоценность и самоцель.

Совершенно иное понимание термина „равенство” возникло в Соединенных Штатах в последние десятилетия: оно стало интерпретироваться как равенство конечных результатов. Все должны жить на одном уровне, иметь одинаковые доходы, все должны заканчивать состязание с одинаковыми результатами. Такое понимание равенства находится в явном противоречии с идеей свободы. Попытка претворить в жизнь идею равенства конечных результатов стала одной из основных причин все большего и большего усиления и расширения централизованной государственной власти и возникновения навязанных нам государством ограничений личной свободы.

Равенство перед Богом

Когда тридцатитрехлетний Томас Джефферсон писал: „Все люди созданы равными”, он и его современники понимали эти слова не буквально. Они не считали людей равными по их внешним данным, эмоциональным реакциям, физи-

ческим возможностям и интеллектуальным способностям. Сам Томас Джефферсон был в высшей степени выдающейся личностью. В возрасте двадцати шести лет он сам разработал великолепный проект своей усадьбы в Монтичелло, руководил ее сооружением и даже, как говорят, лично принимал участие в строительных работах. На протяжении своей жизни он был изобретателем, ученым, писателем, государственным деятелем, губернатором штата Виргиния, президентом Соединенных Штатов, посланником во Франции, основателем Виргинского университета – вряд ли такого человека можно назвать заурядным.

Ключ к тому, что именно имели в виду Томас Джефферсон и его современники, когда речь шла о том, что „все люди созданы равными”, находится в следующей фразе Декларации независимости: „Они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых – право на Жизнь, право на Свободу и на стремление к достижению Счастья”. Все люди равны перед Богом. Каждый человек есть ценность в себе и сам по себе. Все люди наделены неотъемлемыми правами, на которые никто не вправе посягать. Каждый человек имеет право служить своим собственным целям и не может рассматриваться лишь как инструмент для достижения целей других людей. Понятие свободы есть часть определения понятия равенства и никоим образом не вступает с ним в противоречие.

Идея равенства людей перед Богом – то есть их равенства как личностей, или просто личного равенства – важна именно потому, что люди не одинаковы. Различные системы ценностей, разные возможности и вкусы приводят к тому, что люди будут хотеть жить совершенно по-разному. Равенство их как личностей требует, чтобы другие уважали это их право, а не навязывали бы им свои принципы и суждения. Джефферсон не сомневался в том, что есть люди, по своим качествам стоящие выше других, что существует некоторая элита. Однако он был уверен, что это не дает им права повелевать другими.

Если элита не имеет права навязывать свою волю другим, то это справедливо и для любой другой группы, даже если

она составляет большинство. Каждый человек сам себе хозяин — при условии, что он не затрагивает аналогичных прав других людей. Федеральное правительство было создано именно для того, чтобы оградить это право каждого гражданина (от его же сограждан и от внешних угроз), а не с целью предоставить неограниченную власть большинству.

У Джефферсона были три заслуги, которые он считал достойными того, чтобы быть увековеченными на его надгробии: принятие штатом Виргиния законодательного акта в защиту свободы совести (который стал предшественником первых 10 поправок к Конституции США, предназначенных для того, чтобы оградить меньшинство от господства большинства), авторство Декларации независимости и основание Виргинского университета. Целью составителей проекта Конституции США (современников Джефферсона) было создание центрального правительства, достаточно сильного, чтобы защищать страну и способствовать благосостоянию ее народа, и в то же время достаточно ограниченного во власти, чтобы отдельные граждане и самостоятельные правительства штатов были ограждены от всевластия центрального федерального правительства. Демократично ли такое правительство с точки зрения участия масс в управлении страной? Да. Демократично ли оно с точки зрения политического принципа правления большинства? Разумеется, нет.

Подобным же образом Алексис де Токвиль, замечательный французский политический философ и социолог, в своем классическом труде *О демократии в Америке*, написанном после его длительного пребывания в Соединенных Штатах в 30-х годах прошлого столетия, отмечал, что наиболее выдающейся особенностью Америки является равенство, а не правление большинства.

„Аристократическое начало, — писал он, — бывшее в Америке всегда слабым с самого ее зарождения, в наши дни если и не уничтожено, то по крайней мере настолько ослаблено, что ему трудно приписать какое-либо влияние на положение дел в стране. Наоборот, течение времени, ход событий и законодательство наделили здесь демократическое начало значением не только решающим, но и в своем роде единст-

венным и исключительным. Здесь нет и следов подвластности авторитету семьи, касты или сословия. (...)

Таким образом, в своем общественном устройстве Америка представляет собой самое необычайное явление. Люди здесь являются более равными друг другу по своим возможностям и умственному развитию, или, иными словами, в более одинаковой степени значительными и могущественными, чем в любой другой стране мира в наши дни или в любую эпоху, память о которой сохранила история”.

Токвиль восхищался многим из того, что видел, но ни в коем случае не был некритическим наблюдателем. Он опасался, что зашедшая слишком далеко демократия может подорвать чувство гражданского долга. Это было выражено им в следующих словах:

„В самом деле, существует мужественная и вполне оправданная страсть к равенству, побуждающая людей стремиться к тому, чтобы все они были могущественными и уважаемыми. Эта страсть приводит к возвышению мелкого люда до положения людей высокопоставленных; однако в человеческом сердце находится также извращенная склонность к равенству, толкающая людей незначительных к попыткам низвести сильных мира сего до своего уровня и приводящая к тому, что люди начинают предпочитать равенство в рабстве неравенству в условиях свободы”.

Поразительным свидетельством того, как слова меняют свое значение, является тот факт, что в течение последних десятилетий демократическая партия Соединенных Штатов была основным инструментом усиления той самой власти государства, которую Джефферсон и многие из его современников считали самой серьезной угрозой демократии. Деятели демократической партии и ее сторонники добивались расширения власти государства во имя „равенства”, но их концепция равенства почти полностью противоположна той, которую Джефферсон отождествлял со свободой, а Токвиль — с демократией.

Конечно, практическая деятельность отцов-основателей не всегда соответствовала их лозунгам. Наиболее очевидным противоречием между словами и делами было существование

в стране рабства. Сам Томас Джефферсон оставался рабовладельцем до последнего дня своей жизни (4 июля 1826 года). Рабство неоднократно было причиной его мучительных переживаний, и он даже излагал в записках и письмах планы его ликвидации, но никогда публично не выступал с этими планами и не агитировал за отмену рабства.

Тем не менее, либо составленная им Декларация независимости оказалась бы вопиющим образом нарушенной той самой нацией, для рождения и формирования которой он так много сделал, либо рабство должно было быть уничтожено. Неудивительно, что в первые десятилетия своего существования Республика оказалась перед лицом нарастающей волны противоречий, связанных с существованием рабовладения. Эти противоречия разрешились гражданской войной между Севером и Югом, которая, говоря словами Авраама Линкольна из его Геттисбергской речи, дала возможность проверить, долго ли сможет устоять нация, зародившаяся в свободе и безраздельно преданная идее, что все люди созданы равными". Нация устояла, но лишь ценой огромных потерь, включавших в себя человеческие жизни, материальные разрушения и утрату сплоченности общества.

Равенство возможностей

Сразу же после того, как в результате гражданской войны было покончено с рабством, и идея личного равенства — равенства перед Богом и законом — приблизилась к окончательному воплощению в жизнь, основное внимание в интеллектуальных дискуссиях и в политике, проводимой как правительством, так и частным сектором, было перенесено на другую идею — идею равенства возможностей.

Если выражение „равные возможности” понимать буквально — как „одинаковые возможности” — то эта идея просто неосуществима. Один ребенок рождается слепым, другой — зрячим. Родители одного ребенка, глубоко озабоченные его благосостоянием в будущем, с детских лет прививают ему тягу к культуре и образованию, а родители другого — беспутны и о будущем даже не задумываются. Один ребенок

приходит на свет в Соединенных Штатах, другой – в Индии, Китае или в России. Безусловно, от рождения перед ними открыты совсем не одинаковые возможности, и эти возможности никоим образом не могут быть уравнены.

Как и личное равенство, равенство возможностей нельзя толковать дословно. Его истинный смысл, вероятно, лучше всего передается выражением времен Французской революции: „Une carrière ouverte aux les talents” („талантам все пути открыты”). Никакие произвольно создаваемые препятствия не должны мешать людям достичь того положения в обществе, которое соответствует их способностям и к которому они стремятся, побуждаемые своими жизненными принципами. Открытые перед человеком возможности должны определяться только его способностями – а не происхождением, национальной принадлежностью, цветом кожи, религией, полом или иными несущественными в данном отношении факторами.

При такой интерпретации равенство возможностей просто более детально раскрывает смысл идеи личного равенства, или равенства перед законом. И точно так же, как идея личного равенства, идея равенства возможностей имеет смысл и важна именно потому, что люди неодинаковы по своим генетическим и культурным характеристикам и поэтому стремятся и имеют право выбирать для себя различные жизненные пути.

Равенство возможностей, как и личное равенство, не противоречит свободе: наоборот, оно представляет собой существенную составную часть свободы. Если каким-то гражданам отказывают в возможности занять то или иное положение в обществе, которого они заслуживают, только из-за их этнического происхождения, цвета кожи или религии, то это является нарушением их права на „Жизнь, Свободу и стремление к достижению Счастья”. Это перечеркивает идею равенства возможностей и заодно приносит в жертву свободу одних людей ради выгоды других.

Как и каждый идеал, равенство возможностей не удастся воплотить в жизнь целиком и полностью. Наиболее серьезным отступлением от него было, безусловно, положение негри-

тянского населения США — в особенности на Юге, но также и на Севере. Тем не менее, в области прав негров и других этнических меньшинств был достигнут в то же время несомненный и значительный прогресс. Сама концепция „плавильного тигля”¹ отражала идеал равенства возможностей. То же самое можно сказать и о распространении „бесплатного” начального, среднего и высшего образования — хотя, как мы увидим из следующей главы, это явление имело и свои отрицательные стороны.

Несомненное первенство, придаваемое равенству возможностей в иерархии ценностей, ставшей общепринятой после гражданской войны, особенно отчетливо проявлялось в экономической политике. В то время наиболее популярными словами были „свободное предпринимательство”, „конкуренция”, „laissez-faire”.² Считалось, что каждый волен основывать любое коммерческое предприятие, наниматься на любую работу и приобретать любую собственность. Единственным условием было получение согласия на сделку от другой стороны. Перед каждым открывалась возможность получать прибыли, если дело шло успешно, и нести убытки, если дело проваливалось. Никто не имел права произвольно препятствовать человеку в реализации его планов, и критерием в данном случае являлись результаты его деятельности, а не происхождение, религия или национальность.

Естественным следствием из этого положения вещей стало то, что многие люди, относящие себя к культурной элите, презрительно именовали вульгарным материализмом, а именно — выдвигание на первый план всемогущего доллара и богатства как символа и свидетельства успеха. Как указывал Токвиль, эти сдвиги в шкале ценностей отражали нежелание широких слоев общества принимать в расчет такие традиционные критерии, характерные для феодального и аристократического общества, как родословная и происхождение. Очевидной альтернативой этим критериям являлись результаты практической деятельности человека, а накопление богатств было наиболее простым и доступным мерилем этих результатов.

Другим следствием политики экономического либера-

лизма стало высвобождение колоссального количества человеческой энергии, что превратило Америку в еще более продуктивное и динамичное общество, в котором социальная мобильность сделалась повседневной реальностью. Еще одним (возможно, неожиданным) следствием оказался бурный рост благотворительной деятельности, ставший возможным благодаря стремительному обогащению множества частных лиц. Формы, которые приняла эта деятельность — организация некоммерческих больниц и лечебных учреждений, пожертвования частного капитала на содержание колледжей и университетов, несметное количество благотворительных организаций, предназначенных для помощи малоимущим — также определялись доминирующей в обществе системой ценностей, среди которых особое место занимала деятельность, направленная на воплощение в жизнь идеи „общества равных возможностей”. Разумеется, как и повсюду, в области экономической деятельности практика не всегда соответствовала идеалу. С одной стороны, правительству в этой области действительно отводилась второстепенная роль, и оно не выходило за отведенные ему рамки; на пути свободного предпринимательства не создавалось никаких препятствий, а к концу девятнадцатого столетия были предприняты конструктивные правительственные меры, направленные на устранение помех свободной конкуренции со стороны частных лиц и организаций (особую роль здесь сыграл антитрестовский закон Шермана³). Однако, с другой стороны, заключаемые в обход закона соглашения и иные негласные меры продолжали нарушать свободу беспрепятственного доступа всех частных лиц в любые отрасли бизнеса и ко всем профессиям. Нельзя отрицать также, что в силу укоренившихся социальных традиций особые преимущества предоставлялись на практике выходцам из „приличной” семьи, с „подобающим” цветом кожи и „надлежащего” вероисповедания. Тем не менее, быстрое повышение социального и экономического статуса различных менее привилегированных групп говорит о том, что эти препятствия отнюдь нельзя было считать непреодолимыми.

Что касается действий правительства, одним из основных

отступлений от принципов свободной конкуренции стала внешнеторговая политика. Протекционистские пошлины с целью защиты отечественной промышленности были введены в ранг святыни еще в *Отчете по мануфактурам* Александра Гамильтона, где он провозгласил их неотъемлемой частью „американского образа жизни“.⁴ Разумеется, протекционистские пошлины были несовместимы с радикальной интерпретацией концепции равенства возможностей, и уж во всяком случае со свободой иммиграции (которая вплоть до начала первой мировой войны была общим правилом, исключения из которого затрагивали лишь выходцев из стран Востока). Тем не менее, у протекционизма были свои защитники, пытающиеся дать ему „рациональное“ обоснование, ссылаясь, во-первых, на интересы национальной обороны, и, во-вторых, на утверждение (уже совсем „из другой оперы“), что принцип равенства имеет силу только „по эту сторону океана“. Эта идущая вразрез со всякой логикой аргументация была также принята на вооружение большинством сегодняшних сторонников совершенно иной концепции равенства.

Равенство результатов

Эта иная концепция равенства — равенство результатов — начала завоевывать себе все большую и большую популярность уже в нашем столетии. В начале она затронула правительственную политику в Великобритании и странах европейского континента, а в течение последних пятидесяти лет продолжает оказывать все возрастающее влияние и на политику правительства в Соединенных Штатах. В некоторых интеллектуальных кругах представление о равенстве результатов как конечной цели превратилось в непреложный, почти что религиозный догмат: все должны прийти к финишу в одно и то же время. Как восторженно заявляет (по недомыслию) птица Дронт из сказки Л. Кэррола *Алиса в стране чудес*: „Все победили, и каждый должен получить приз!“

Это представление о равенстве, как и два предыдущих, не следует толковать буквально — „равный“ не значит „одина-

ковый”. В действительности никто не призывает к введению своего рода „карточной системы”, когда каждому, независимо от его пола, возраста и других физических данных, будет выдаваться одинаковое количество каждого вида продуктов питания, одежды и т. д. В качестве конечной цели выдвигается скорее „справедливое распределение” — понятие куда более расплывчатое, точно определить которое чрезвычайно трудно или вообще невозможно. „Справедливая доля для всех” — вот новый лозунг, пришедший на смену марксовскому „От каждого по способности, каждому — по потребности”.

Это понятие о равенстве коренным образом отличается от двух остальных. Дело в том, что правительственные мероприятия, способствующие внедрению и расширению личного равенства и равенства возможностей, увеличивают нашу свободу, тогда как действия правительства, направленные на воплощение в жизнь идеи „справедливая доля для всех”, эту свободу урезают.

Если все будут получать „по справедливости”, то кто будет решать, что „справедливо”, а что — нет? У Кэролла простофиля Дронт в ответ на свое неосторожное заявление немедленно слышит хор вопрошающих голосов: „А кто будет раздавать призы?” Строго и объективно определить понятие „справедливой доли” можно только в одном случае — когда все доли одинаковы. Как только мы отказываемся от „уравниловки”, возникают те же проблемы, что и с пресловутыми „потребностями” — каждый видит их по-своему: „у кого суп не густ, у кого жемчуг мелок”. Если все должны получать „справедливую долю”, то кто-то (один человек или группа лиц) должен решить, каков будет ее размер. Мало того, эти люди должны быть наделены властью, позволяющей им проводить принудительное „перераспределение благ” — попросту говоря, отнимать „излишки” у тех, кто не имеет больше „положенного”, и отдавать их тем, кто имеет меньше. Разве те люди, которые принимают подобные решения и заставляют других им следовать, будут по-прежнему равны тем, за кого они решают? Не находимся ли мы на *Скотском хуторе* Джорджа Оруэлла, где „все животные равны, но не-

которые из них более равны, чем остальные”?

Кроме того, если то, что люди будут получать, будет определяться „справедливостью”, а не тем, что они производят, то откуда же возьмутся призы? Что будет побуждать людей работать и производить продукцию? Как будет решаться вопрос, кому быть врачом или адвокатом, а кому собирать мусор и подметать улицы? Каковы гарантии, что люди согласятся с предписанными им ролями и будут выполнять работу соответственно своим способностям? Ясно, что добиться такого положения можно только силой или угрозой применения силы.

И основная проблема здесь состоит даже не в том, что практическое воплощение этой концепции далеко отклонится от идеала. Разумеется, так оно и будет — как это произошло с двумя другими концепциями равенства. Главное — это непримиримое противоречие между самим *идеалом* „справедливого распределения” (будь он выражен в виде лозунга „каждому — справедливую долю” или в его предшествующей формулировке „каждому — по потребности”) и *идеалом* личной свободы. Это противоречие стало подлинным бичом каждой попытки сделать равенство результатов господствующим принципом организации общества. Конечным их результатом неизменно было царство террора: очевидным и убедительным доказательством этого могут служить Россия, Китай, а в более недавнее время — Камбоджа. Но даже террор не мог привести к столь желанному равенству результатов. В каждом случае в стране сохранялось вопиющее неравенство, какими бы мерками мы его ни измеряли: правители и подданные оказывались неравными не только в отношении власти и могущества, но и по жизненному уровню и праву пользоваться материальными благами.

Гораздо менее радикальные меры, предпринятые во имя равенства результатов на Западе, разделили ту же судьбу, правда, в меньшей степени. Они точно так же привели к ограничению свободы личности и точно так же оказались неэффективными. Жизнь показала, что невозможно дать определение понятия „справедливая доля”, которое не вызвало бы ничьих нареканий, или же добиться всеобщей удовлетво-

ренности с помощью непрерывных заверений, что со всеми членами общества поступают „по справедливости”. Наоборот, с каждой очередной попыткой практической реализации принципа равенства результатов недовольство самых широких социальных кругов лишь возросло.

За большинством страстных призывов к „равенству результатов” и гневных обличений „социальной несправедливости” кроется одна широко распространенная идея: когда дети богатых родителей от рождения оказываются в привилегированном положении по сравнению с остальными своими сверстниками — это несправедливо. Безусловно, это правда, и спорить здесь не приходится. Однако несправедливость в нашем мире может проявляться по-разному. Например, одним детям достаются в наследство от родителей облигации, акции, дома и заводы; другие наследуют музыкальные способности, физическую силу, математическую одаренность; а третьи — ни того, ни другого. Наследование имущества представляет собой более очевидную мишень для критики, чем наследование таланта, но разве с моральной точки зрения между ними есть какая-то разница? Тем не менее, многие приходят в негодование перед лицом такой „вопиющей несправедливости”, как наследование имущества, и в то же время ничего не имеют против наследования таланта.

Посмотрим теперь на тот же вопрос с точки зрения родителей. Если вы хотите, чтобы ваш ребенок был материально обеспечен в своей жизни, вы можете достичь этого разными способами: заплатить за его образование, что даст ему возможность приобрести профессию, приносящую большой доход; помочь ему открыть собственное дело, чтобы он получал больше, чем если бы работал за зарплату; либо же оставить ему недвижимое имущество, доходы от которого позволят ему жить лучше. Разве есть с точки зрения этики какая-то разница между этими тремя способами распорядиться вашим собственным имуществом? И если после уплаты налогов государству у вас остаются какие-то деньги, то неужели государство должно позволять вам тратить их на прихоти и разгул, но не разрешать оставлять их вашим собственным детям?

Возникающие здесь морально-этические проблемы весьма

деликатны и сложны. Их нельзя разрешить при помощи таких упрощенческих формул, как „справедливая доля для всех”. В самом деле, если принимать эту формулу всерьез, то с детьми, обладающими меньшими музыкальными задатками, следует заниматься музыкой больше, чем с кем бы то ни было, чтобы компенсировать то, чем их обделила природа, а детям с выдающимися способностями надо вообще закрыть доступ к музыкальному образованию. Точно такое же рассуждение будет справедливо и для других категорий прирожденных способностей. Может быть, это и „справедливо” по отношению к тем, кому недостает таланта, но будет ли это справедливо по отношению к одаренным, не говоря уже о тех, кому придется работать, чтобы оплатить обучение юных бездарностей, или о тех, кто будет лишен возможности воспользоваться плодами дарования, которое получило бы должное развитие?

Жизнь несправедлива. Соблазнительно думать, что общество или государство может исправить то, что было порождено природой. Но важно также понять, каким благодеянием зачастую оказывается для нас все та же порицаемая нами несправедливость.

Ничего нет справедливого в том, что Марлен Дитрих появилась на свет с прекрасными ногами, на которые все мы не можем наглядеться, или что Мохаммед Али родился с физическими данными, которые позволили ему стать знаменитым боксером. С другой стороны, миллионы людей, любующиеся ногами Марлен Дитрих или наблюдающие одну из схваток Мухаммеда Али, оказались в выигрыше в результате того, что несправедливая природа произвела на свет этих людей. Что это был бы за мир, если бы все были похожими друг на друга как две капли воды?

Разумеется, это несправедливо, что Мохаммед Али имеет возможность заработать миллионы долларов за один вечер. Но разве не было бы еще более несправедливым по отношению ко всем поклонникам его таланта, если бы во имя каких-то абстрактных идеалов равенства Мохаммеду Али не разрешили заработать за один вечер (вернее, за все дни тренировок и подготовки к этому поединку) больше, чем за-

рабатывает за день неквалифицированный докер? Не исключено, что это даже и можно было бы проделать, но в результате люди оказались бы лишены возможности наблюдать Мохаммеда Али на ринге. Мы весьма сомневаемся в том, что он согласился бы соблюдать жесткий режим тренировок или подвергать себя всем тяготам и риску, связанным со столь изнурительными спортивными схватками, как те, в которых он участвовал, если бы его гонорар был ограничен зарплатой неквалифицированного докера.

Еще один аспект сложной проблемы „справедливого распределения” может быть проиллюстрирован на примере какой-либо азартной игры – например, игры в рулетку. Участники могут начать играть с одинаковыми стопками фишек, однако по ходу игры они станут неодинаковыми. К концу кто-то может остаться в большом выигрыше, а кто-то – в большом проигрыше. Следует ли во имя идеалов равенства требовать от выигравших, чтобы они возместили ущерб проигравшим? Это лишило бы игру всякого интереса и не понравилось бы даже самим проигравшим. Можно себе представить, что один раз они будут приятно удивлены таким поворотом событий, но сядут ли они еще когда-нибудь за стол, зная, что при любом исходе игры они окажутся в конце ее в том же положении, что и в начале?

Этот пример имеет гораздо большее отношение к реальной жизни, чем можно предположить на первый взгляд. Ежедневно каждый из нас принимает решения, связанные с каким-то риском. Иногда это серьезные решения с большой долей риска: какую выбрать профессию, на ком жениться или за кого выйти замуж, купить ли дом или сделать иное крупное капиталовложение. Но чаще риск не так велик: например, когда мы решаем, какой посмотреть фильм, пересячь ли улицу, по которой движется поток машин, приобрести одни ценные бумаги или другие. Однако в каждом из этих случаев существует один ключевой вопрос: кому решать, какой именно принять риск? Ответ на него, в свою очередь, зависит от того, кто именно будет нести убытки в результате возможных последствий принятого решения. Если эти убытки будем нести мы сами, то мы вправе и при-

нять решение, но если они лягут на плечи кого-то другого, то должны ли мы (и будет ли нам позволено) поступать по собственному усмотрению? Если вы играете в рулетку за кого-то другого его деньгами, то разве можно требовать, чтобы он предоставил вам полную свободу действий? Почти наверняка он этого и не сделает — но, наоборот, установит какие-то пределы вашей свободе принимать решения и сформулирует свод правил, которые вам надо будет соблюдать. Возьмем совершенно другой пример: если правительство (то есть ваши сограждане — налогоплательщики) принимает на себя возмещение всех убытков в случае, если ваш дом будет затоплен наводнением, то можно ли позволить вам свободно решать, строить ли дом, например, на заливаемом лугу? Так что непрерывно усиливающееся вмешательство правительства в наши личные решения отнюдь не случайно шло рука об руку с усилением кампании „за справедливую долю для всех”.

Система, при которой люди сами делают выбор — и сами расплачиваются за большинство последствий своих решений — была доминирующей на протяжении почти всей нашей истории. Эта система дала Фордам, Эдисонам, Истманам, Рокфеллерам, Пенни стимул к тому, чтобы преобразовывать лицо нашего общества на протяжении двух последних столетий. Она также предоставила и другим людям стимул к тому, чтобы, ставя на карту свои капиталы, финансировать рискованные начинания, предпринятые этими дерзкими изобретателями и промышленными гениями. Конечно, на этом пути многие терпели неудачи, и, вероятно, проигравших было больше, чем тех, кому улыбнулась фортуна. Мы не помним имен неудачников. Но в большинстве своем они знали, на что идут, и сознавали, что рискуют. И независимо от того, выиграли они или проиграли, благодаря их готовности принять риск общество в целом выиграло.

Частные состояния, возникавшие при этой системе, создавались в подавляющем большинстве случаев в результате разработки новых видов товаров и услуг, либо новых методов их производства, либо же, наконец, их массового внедрения в сферу потребления. Все эти процессы в конечном итоге

приводили к приросту общественного богатства и повышению благосостояния масс, которые во много раз превышали размеры богатств, накопленных авторами и инициаторами этих нововведений. Да, Генри Форд приобрел огромное состояние — однако страна приобрела при этом дешевое и надежное транспортное средство и вдобавок освоила и внедрила технологию массового производства. Кроме того, во множестве случаев частные состояния в своей значительной степени были в конечном счете посвящены благу всего общества. Фонды Рокфеллера, Форда и Карнеги — это лишь самые знаменитые среди многочисленных примеров пожертвований частного капитала на общественные нужды. Все эти примеры есть не что иное, как замечательное следствие функционирования системы, основанной на „равенстве возможностей” и „свободе” (в том понимании этих терминов, какое бытовало вплоть до недавнего времени).

Приведенный ниже отрывок дает представление (пусть даже неполное) о размахе филантропической деятельности в США в девятнадцатом и начале двадцатого столетия. В книге, посвященной „благодетельности на культурные нужды в Чикаго с 1880 по 1917 годы”, Хелен Горовиц пишет:

„На рубеже столетий Чикаго объединял в себе противоречивые тенденции: это был крупнейший промышленный и коммерческий центр, где велась торговля всеми основными товарами, характерными для современного индустриального общества, и в то же время город, где культурная жизнь была ключом. По словам одного комментатора, город представлял собой „странное сочетание свинины⁵ и философии Платона”.

Среди наиболее ярких проявлений тяги чикагцев к культуре было основание в 1880-х и начале 1890-х гг. крупнейших культурных учреждений города (Художественного института, библиотеки Ньюберри, Чикагского симфонического оркестра, Чикагского университета, музея Филда, библиотеки Криера). (...)

Подобные учреждения были в городе новым явлением. Каковы бы ни были побуждения, приведшие к их основанию, остается фактом, что они в основном организовывались,

содержались и управлялись группой бизнесменов. (...) Но несмотря на то, что их финансирование и руководство находилось в руках частных лиц, эти учреждения были предназначены для всего города. Их попечители взяли на себя роль меценатов не столько ради удовлетворения своих личных эстетических или научных запросов, сколько во имя достижения определенных социальных целей. Перед лицом ширившихся социальных движений, которые они не были в состоянии контролировать, эти бизнесмены, с их идеалистическими представлениями о культуре, видели в музее, библиотеке, симфоническом оркестре или университете средство, способное возбудить в массах интерес к возвышенным целям и привести к возрождению гражданского общества, проникнутого идеей общественного блага”.

Филантропическая деятельность отнюдь не ограничивалась пожертвованиями на культурные учреждения. Как пишет Горовиц по другому поводу, это был „своего рода взрыв активности в самых различных областях”. Чикаго не был исключением — скорее, по словам той же Горовиц, „в нем, как в капле воды, отражалась вся Америка”. В это же время Джейн Аддамс основала в Чикаго „Халл-Хаус”, который стал первым среди множества благотворительных заведений этого типа (settlement house), размещавшихся в тех городских районах, где жила беднота. Такие заведения распространились вскоре по всей стране; в них широкие слои малоимущих получали доступ к культуре и просвещению, а также помощь в трудностях их повседневной жизни. В этот же период были основаны многочисленные больницы, сиротские приюты и иные благотворительные учреждения.

Система свободной конкуренции и стремление к достижению самого широкого круга социальных и культурных целей вовсе не исключают друг друга, точно так же, как не исключают друг друга система свободной конкуренции и сострадание к обездоленным — независимо от того, выражается ли оно в виде частной благотворительной деятельности, как в девятнадцатом столетии, или же в виде правительственной помощи, как это имело место во все возрастающих масштабах в двадцатом столетии. Важно одно — чтобы в обоих

случаях эта деятельность служила проявлением желания помочь своему ближнему. При этом, однако, существует кардинальное различие между двумя *способами* осуществления этой правительственной помощи, которое на первый взгляд кажется несущественным. Одно дело, когда 90% населения, то есть всех нас, соглашаются взять на себя бремя дополнительных налогов с целью помочь 10% населения с самым низким уровнем жизни — и совсем другое, когда 80% голосуют за то, чтобы налоги с целью помочь этим 10% бедных платили не все, а лишь 10% наиболее состоятельных граждан. Именно такую ситуацию описывает знаменитый пример, принадлежащий У. Г. Самнеру⁶ — когда В и С решают, что должен Д сделать для А. Можно спорить о том, является ли первый из этих способов помощи неимущим разумным или неразумным, эффективным или неэффективным, но ясно одно — он не вступает в противоречие с нашей верой как в равенство возможностей, так и в свободу. Что касается второго, то целью его является равенство результатов, и он полностью антагонистичен свободе.

Кто выступает за политику равенства результатов?

Концепция равенства результатов как конечной цели (иногда ее называют также концепцией *эгалитаризма*) так и не нашла себе широкой поддержки — хоть она и исповедуется почти как религиозный догмат в среде интеллектуалов и занимает непременное и почетное место в речах политиков и преамбулах к законодательным актам. Слова опровергаются делами — то есть практическим поведением как правительства или представителей интеллектуальных кругов (где идеи эгалитаризма нашли себе самых страстных адептов), так и широких слоев населения.

Обратимся к фактам. Что касается правительства, то одним из наиболее ярких подтверждений такого положения вещей может служить его политика в отношении лотерей и азартных игр. Так, например, штат Нью-Йорк — и в особенности сам город Нью-Йорк — издавна и заслуженно считается одним из оплотов эгалитаристских тенденций. Тем не менее,

правительство этого штата проводит лотереи и предоставляет помещения и оборудование (телексы и т. п.) для тотализаторов, позволяющих делать ставки и заключать пари вне пределов ипподромов. Более того, оно ведет широкую рекламную кампанию, имеющую целью склонить своих граждан покупать лотерейные билеты и играть на скачках — причем на таких условиях, которые обеспечивают самому правительству немалый доход. В то же время оно пытается ликвидировать азартные игры с угадыванием выпавших в каждом тираже цифр — которые, как оказывается, дают в сумме больше шансов на выигрыш, чем правительственная лотерея (особенно если учесть, что в этом случае легче избежать налога на выигрыш). В Великобритании, также являющейся оплотом, если даже не колыбелью, эгалитаристских тенденций, разрешены частные игорные дома (носящие название „клубов“), а также заключение взаимных пари в связи не только со скачками, но и иными спортивными мероприятиями. Тотализатор в Англии стал поистине национальной игрой — и в то же время важным источником доходов государства.

Что касается интеллектуалов, то наиболее очевидным подтверждением их фарисейства в этом вопросе является тот факт, что сами отнюдь не торопятся следовать своим проповедям на практике. Действительно, идею равенства результатов можно без труда претворять в жизнь и самостоятельно — по принципу „сделай сам“. Прежде всего следует точно определить, что вы подразумеваете под „равенством“. Намереваетесь ли вы достичь равенства в пределах Соединенных Штатов? В пределах определенной группы стран? В мировых масштабах? Будет ли „равенство“ измеряться размером дохода на душу населения? На семью? И как исчислять этот доход — за год, за десять лет, за всю жизнь? Имеется ли в виду только денежный доход — или сюда надо включить и такие статьи, как эквивалент квартплаты, которая ежемесячно „экономится“ теми, у кого есть собственный дом; овощи, фрукты или живность, выращиваемые для собственного потребления; стоимость услуг, безвозмездно оказываемых друг другу членами семьи и, в частности, нерабо-

тающими женами-домохозяйками? Каким образом надо будет учесть физические или умственные преимущества и недостатки, ставящие различных людей в „неравное” положение?

Как бы вы ни решили все эти вопросы, вы всегда можете (если вы настоящий сторонник эгалитаризма) примерно оценить, какая сумма денежного дохода соответствует вашему представлению о равенстве. Если ваш фактический доход выше этой суммы, вы можете оставить себе определенную вами „справедливую долю”, а остальное раздать тем, кто беднее вас. Если вы стремитесь к достижению равенства „в мировом масштабе” — а из большинства образчиков эгалитаристских разглагольствований следует, что именно к этому и следует стремиться, — то назначенная вами сумма (соответствующая тому представлению о равенстве, которое, если вдуматься, и проповедует большинство всех этих краснобаев) будет составлять несколько меньше *200 долларов в год!* Именно таков (в пересчете на покупательную способность доллара в 1979 г.) примерный средний доход на душу населения „в мировом масштабе”.

К наиболее пылким поборникам доктрины эгалитаризма принадлежат те, кого Ирвинг Кристол назвал „новым классом” — представители правительственной бюрократии; ученые, чьи исследования финансируются правительственными фондами, или же непосредственно работающие в правительственных „мозговых трестах”; сотрудники многочисленных организаций, занимающихся содействием „общественным интересам”, разработкой „социальной политики” и прочими жизненно необходимыми вещами; журналисты и другие работники средств массовой информации. Но глядя на всю эту братию, трудно не вспомнить старую (пусть даже и несправедливую) поговорку про квакеров: „Они прибыли в Новый Свет, чтобы делать добро, а кончили тем, что нажили добро”. Действительно, представители „нового класса” принадлежат, как правило, к самым высокооплачиваемым слоям общества. Более того, для многих из них эффективным средством достижения столь высоких доходов оказалась именно пропаганда равенства, участие в продвижении

соответствующих законодательных актов или же, наконец, в практическом применении этих законов уже после их принятия. Что ж, это лишний раз доказывает, что все мы слишком легко отождествляем наше собственное благосостояние с благосостоянием общества.

Разумеется, в ответ на наши конкретные предложения поборник эгалитаризма всегда может заявить, что даже если бы он и отдал бедным „излишек” своего дохода, то все равно это было бы лишь каплей в море, и поэтому он готов это сделать лишь при условии, что то же самое в *обязательном порядке* будут вынуждены сделать и все остальные. Однако, с одной стороны, утверждение нашего „филантропа”, что участие „всех остальных” изменит суть дела, просто неверно — даже в этом случае его вклад останется каплей в море. Действительно, поскольку размер вклада остается тем же самым *независимо* от того, было ли жертвователей много или всего один, то не меняется и та процентная доля, на которую *за счет данного вклада* повышается благосостояние всех малоимущих. Фактически его индивидуальный вклад был бы даже более ценен, так как он мог бы предоставить эти деньги самым нуждающимся среди всех тех, кто, как он сам считает, вправе получать помощь. С другой стороны, введение принуждения уже само по себе изменило бы положение вещей самым радикальным образом: тот тип общества, который бы возник в результате *добровольного* перераспределения доходов, в корне отличался бы (и, по нашим стандартам, был бы во всех отношениях более предпочтительным) от типа общества, который сложился бы в условиях *принудительного* перераспределения.

Те, кто полагают, что общество принудительного равенства является предпочтительным, также могут без труда последовать своим идеям на практике: они могут вступить в одну из коммун, существующих в нашей стране и за ее пределами, или же основать новые коммуны. И, разумеется, убеждение, что любая группа лиц, желающих жить таким образом, должна быть свободна это осуществить, никоим образом не вступает в противоречие ни со свободой, ни с равенством (будь то равенство возможностей или личное ра-

венство). Однако тот факт, что лишь немногие изъявили желание присоединиться к подобным коммунам, а уже существующие коммуны оказались непрочными, еще раз доказывает, на наш взгляд, что поддержка идеи равенства результатов не идет дальше разговоров.

Эгалитаристы в Соединенных Штатах могут возразить, что малочисленность и непрочность коммун вызвана тем, что общество, остающееся по преимуществу „капиталистическим”, клеймит позором такие коммуны и в результате они подвергаются дискриминации. Может быть, это и правда в отношении Соединенных Штатов, но, как указал гарвардский социолог Роберт Нозик, есть в мире одна страна, к которой это не относится, и где, наоборот, коммуны пользуются глубоким уважением и заслуженной славой. Страна эта — Израиль. Киббуцы сыграли немаловажную роль во времена первых еврейских поселений в Палестине; они продолжают занимать видное место и в государстве Израиль. Непропорционально большая часть государственных деятелей Израйля — бывшие киббуцники. Факт членства в киббуце не только не подвергается осуждению, но наделяет человека почетным социальным статусом и вызывает лишь одобрение. Каждый гражданин свободен вступить в киббуц или покинуть его, и киббуцы были и остаются жизнеспособными общественными структурами. Однако никогда в прошлом (и тем более в наши дни) в киббуцы добровольно не вступало более 5% еврейского населения Израйля. Это значение можно рассматривать как верхнюю оценку доли всего населения, которая была бы склонна добровольно предпочесть систему, обеспечивающую соблюдение принципа равенства результатов, — системе неравенства, разнообразия и открытых возможностей.

Отношение широких слоев населения к прогрессивному подоходному налогу не является столь однозначным. Недавно были сделаны попытки ввести прогрессивный подоходный налог (помимо федерального) в тех штатах, где прежде его не было, и увеличить степень налоговой прогрессии (то есть повысить налог на более высокие доходы). В проведенных по этому поводу референдумах население,

как правило, отвергло подобные предложения. С другой стороны, федеральный подоходный налог характеризуется высокой степенью прогрессии (по крайней мере, на бумаге), хотя в нем содержится большое число положений (т. н. „юридических лазеек“), которые на практике позволяют лицам с наиболее высокими доходами платить вовсе не столь уж высокие налоги. Исходя из этих фактов, можно было бы думать, что широкие слои населения относятся по меньшей мере терпимо к системе уравнительного налогообложения, применяющейся в умеренных масштабах.

Тем не менее, мы возьмем на себя смелость утверждать, что популярность игорных домов в Рино, Лас-Вегасе, а с недавнего времени и в Атлантик-Сити является не менее верным барометром того, что предпочитает публика, чем существующая система федерального подоходного налогообложения, передовые статьи в *Нью-Йорк Таймс* и *Вашингтон Пост* или страницы *Нью-Йорк Ривью оф Букс*.

Последствия эгалитарной политики

Определяя свою собственную политику, мы имеем возможность учиться на опыте тех западных стран, с которыми нас связывает общее интеллектуальное и культурное наследие, и от которых мы переняли многое в нашей системе ценностей. Пожалуй, наиболее поучительным примером является Великобритания, которая в девятнадцатом столетии была инициатором и образцом практического применения принципа равенства возможностей, а в двадцатом веке взяла курс на насаждение равенства результатов.

Начиная с конца второй мировой войны доминирующим фактором британской внутренней политики стало стремление ко все большему и большему равенству результатов. Правительство принимало новые и новые меры, направленные на то, чтобы отнять „излишки“ у богатых и отдать их бедным. Подоходные налоги были повышены до такой степени, что для группы лиц с наиболее высокими доходами налог на доход с недвижимого имущества составил 98%, а налог на „доход от производственной деятельности“ (или

„трудовой доход”) — 83%. Налоги на наследство были еще выше. Значительно расширилась система предоставления государством жилья, медицинского обслуживания и других услуг по социальному обеспечению, а также выплаты пособий по безработице и пенсий по старости. К сожалению, результаты оказались весьма отличными от того, чего предполагали добиться люди, чье чувство справедливости было с полным на то основанием оскорблено классовой структурой, господствовавшей в Англии на протяжении веков. В стране произошло колоссальное перераспределение богатств, однако конечным результатом этого процесса стало вовсе не „справедливое распределение”, а нечто совершенно иное.

Взамен или в дополнение к прежним привилегированным классам выросли новые: бюрократы, закрепившиеся на „тепленьких местечках” и защитившие себя от инфляции как на годы работы, так и на годы пенсии; профсоюзы, наловчившиеся изображать себя представителями самых обездоленных и бесправных рабочих, а фактически состоящие из самых высокооплачиваемых работников в стране — то есть из рабочей аристократии; и, наконец, новые миллионеры — люди, которые умудрялись обходить законы, правила и распоряжения, хлынувшие из Парламента и различных бюрократических ведомств, люди, которые нашли способы уклоняться от уплаты подоходного налога и переводить свое состояние за тридевять земель — вне пределов досягаемости налоговых инспекторов. Грандиозная перетасовка доходов и богатства? Да. Меньше несправедливости? Вряд ли.

Попытка осуществить равенство в широких масштабах провалилась в Великобритании не потому, что правительством были приняты ошибочные меры, и не потому, что они проводились в жизнь, и не потому, наконец, что контроль за проведением этих мер осуществляли неподходящие люди (хотя в какой-то мере там присутствовали все эти факторы). Эта попытка провалилась по гораздо более фундаментальной причине: она шла вразрез с одним из самых основных инстинктов, свойственных всем людям. Адам Смит определяет его как „постоянное, непрерывное и непре-

кращающееся стремление каждого человека улучшить свое положение” — и, можно добавить также, положение его детей и потомков. Разумеется, Смит понимал под „положением” человека не просто его материальное благосостояние, хотя наверняка оно было одним из важных компонентов. Он имел в виду гораздо более широкое понятие, включающее в себя все те жизненные ценности, в соответствии с которыми люди расценивают свои успехи и достижения — в том числе и те моральные ценности, которые лежали в основе расцвета филантропической деятельности в девятнадцатом столетии.

Когда законы препятствуют людям преследовать свои собственные цели в соответствии с их собственной системой ценностей, люди стараются найти окольные пути. Они начинают обходить законы, нарушать их или же покидают страну. Мало кто из нас верит в моральный кодекс, который оправдывает принудительное изъятие у людей значительной части того, что они производят, чтобы затем финансировать выплаты другим людям, которых они не знают, предназначенные для целей, которые они могут не одобрять. Когда закон вступает в противоречие с тем, что большинство считает нравственным и справедливым, люди станут нарушать закон — независимо от того, был ли тот установлен во имя некоего благородного идеала (как, например, равенство), или же в самом неприкрытом виде служит интересам какой-то группы, позволяя ей извлекать выгоду за счет других. В этом случае люди будут подчиняться закону не из чувства справедливости или иных моральных соображений, а лишь из страха наказания.

Когда люди начинают нарушать законы, регулирующие только какую-то одну сферу их деятельности, отсутствие уважения к закону как таковому неминуемо распространяется и на все остальные правовые нормы — даже те, которые все считают моральными и справедливыми, как законы против насилия, воровства или злого хулиганства. Как в это ни трудно поверить, но вполне вероятно, что общий рост преступности в Англии за последние десятилетия стал одним из последствий проводившейся там политики эгалитаризма.

Кроме всего прочего, эта политика эгалитаризма привела к тому, что Англию покинули многие из ее самых способных, энергичных и высококвалифицированных граждан — и выгадали на этом Соединенные Штаты и другие страны, которые сумели предоставить этим „беженцам” более широкие возможности использования их способностей и талантов во имя их собственных интересов. И последнее: кто может сомневаться, что эгалитаристская политика оказала самое неблагоприятное влияние на экономическую эффективность и производительность труда? Безусловно, именно это и стало одной из основных причин, по которым за последние несколько десятилетий Великобритания осталась в отношении показателей экономического роста далеко позади своих континентальных соседей, США, Японии и других стран.⁷

Мы в Соединенных Штатах в своем стремлении достичь равенства результатов не зашли еще так далеко, как Великобритания. Однако многие из наблюдающихся там последствий подобного стремления уже стали очевидными и у нас — это и неспособность эгалитаристских мер привести к провозглашаемым их авторами результатам, и перераспределение материальных ценностей, которое ни по каким стандартам не может быть названо справедливым, и рост преступности, и снижение экономической эффективности и производительности труда.

Капитализм и равенство

Повсюду в мире встречаются примеры вопиющего неравенства в распределении доходов и материальных благ, оскорбляющего присущее большинству из нас чувство справедливости. Мало кто может остаться равнодушным перед лицом контраста между роскошью, которой наслаждаются одни, и ужасающей нищетой, в которой прозябают другие.

В прошлом столетии возник и окреп миф, что свободно-рыночный капитализм (то есть в нашем понимании — система равенства возможностей) лишь углубляет это неравенство,

что капитализм — это система, при которой богатые эксплуатируют бедных.

Ничто не может быть дальше от истины, чем это утверждение. Где бы ни позволялось функционировать системе свободного рынка, где бы ни существовали условия, хотя бы приближающиеся к идеалу равенства возможностей — везде рядовой человек оказывался способным достичь жизненного уровня, о котором он прежде не мог и мечтать. И нигде в мире не существует столь глубокой пропасти между богатыми и бедными, нигде богатые так не богатеют, а бедные — не беднеют, как при тех социальных системах, где на свободный рынок наложен запрет. Именно такова была ситуация в феодальном обществе — в средневековой Европе, в Индии до получения ею независимости, и даже в какой-то степени в сегодняшней Латинской Америке, где положение человека в обществе определяется унаследованным сословным статусом. Так обстоит дело в странах с централизованным планированием и управлением — таких, как Россия, Китай или Индия после получения независимости, где положение человека определяется его принадлежностью к власти имущим. Такое положение существует даже там, где, как в перечисленных трех странах, централизованное планирование было введено во имя равенства.

Россия — это страна, где население делится на две группы: узкий привилегированный класс бюрократов, партийных чиновников, инженеров-технических работников — и широчайшие массы населения, живущие немногим лучше, чем их деды и прадеды. Привилегированная верхушка имеет доступ к специальным магазинам, школам, институтам и пользуется всевозможными видами роскоши; народ же обречен на то, чтобы иметь лишь чуть больше, чем нужно для удовлетворения основных жизненных потребностей. Нам вспоминается, как мы спросили нашего гида в Москве, сколько стоит только что увиденный нами роскошный автомобиль. В ответ мы услышали: „А такие не продаются — они только для членов Политбюро”. В нескольких опубликованных в последнее время книгах, написанных американскими журналистами,⁸ чрезвычайно подробно описывается контраст

между более чем обеспеченной жизнью привилегированной верхушки и нищетой масс советского населения. Даже если оставить в стороне правящую касту, бесполезно отметить, что разница в средней зарплате бригадира и рядового рабочего в России намного больше разницы в зарплате бригадира и рабочего в Соединенных Штатах. И русский бригадир, безусловно, заслуживает этого. В конце концов, бригадир-американец должен беспокоиться только о том, чтобы его не уволили, в то время как русский бригадир должен заботиться еще и о том, чтобы не попасть в тюрьму.

Китай также является страной, где существует значительное различие в доходах между обладающими политической властью и всем остальным населением, между городом и деревней, между некоторыми городскими рабочими и их собратьями. Один проницательный исследователь Китая пишет, что „неравенство между богатыми и бедными районами Китая в 1957 году было более глубоким, чем в любой другой крупной стране мира, за исключением, вероятно, Бразилии”. Он ссылается также на другого своего коллегу: „Эти примеры показывают, что в Китае структура заработной платы в промышленности отнюдь не является намного более эгалитарной, чем в других странах”. Автор заключает свое исследование равенства в Китае следующими словами: „Как равномерно распределяются сегодня доходы в Китае? Безусловно, не столь равномерно, как на Тайване или в Южной Корее. (...) С другой стороны, распределение доходов в Китае происходит, безусловно, более равномерно, в Бразилии или в Южной Америке. (...) Мы вынуждены прийти к выводу, что Китай далеко не является обществом полного равенства. Фактически различия в доходах в Китае являются, возможно, значительно более резкими, чем в ряде стран, которые обычно ассоциируются с „фашистскими диктатурами” и „привилегированной верхушкой”, эксплуатирующей народные массы”.

Технический прогресс, механизация — все эти великие чудеса нового века дали богатым сравнительно немного. Богачи в Древней Греции вряд ли извлекли бы большую пользу из современного водопровода: для них доступность

чистой проточной воды определялась лишь сноровкой доставлявших ее рабов. Что касается радио и телевидения, то римские патриции могли наслаждаться искусством лучших музыкантов и актеров прямо у себя дома и даже держать их постоянно при себе в числе своей челяди. Одежда массового пошива, супермаркеты — все эти и многие другие современные достижения мало в чем улучшили бы их повседневную жизнь. Приятным сюрпризом для богатых явился бы прогресс в области средств транспорта и медицины, но что касается всего остального, то все крупнейшие завоевания западного капитализма способствовали в первую очередь улучшению жизни рядовых граждан. Благодаря этим достижениям широким массам стали доступны те преимущества и удобства, которые прежде были исключительной привилегией горстки сильных мира сего.

Джон Стюарт Милль писал в 1848 году: „До сей поры приходится сомневаться, облегчили ли иго повседневного труда хоть единому человеку все сделанные доньше механические изобретения? Ибо благодаря им большая часть человечества по-прежнему влачит подневольное существование, все дни свои отдавая изнурительному и бессмысленному труду, тогда как возросшее число владельцев мануфактур и им подобных могут наживать себе состояния. Эти новшества пока лишь приумножили достаток и благоденствие средних сословий, но еще не начали производить те великие перемены в судьбе человеческой, кои сама их натура предназначила им совершить в будущем”.

Сегодня этого уже сказать нельзя. Сегодня вы можете объехать из конца в конец все промышленно развитые страны и обнаружить, что почти каждый „все дни свои отдающий изнурительному труду”, делает это исключительно во имя спорта. А для того, чтобы найти людей, чье бремя повседневного труда не облегчено техническими новшествами, вам придется отправиться в некапиталистический мир — в Россию, в Китай, в Индию, в Бангладеш, в некоторые районы Югославии, или же в более отсталые капиталистические страны — в Африку, на Ближний и Средний Восток, в Южную Америку (а всего лишь пару десятилетий назад

к этому списку можно было бы добавить Испанию или Италию).

Заключение

Общество, которое ставит равенство (в смысле равенства результатов) выше свободы, в результате утратит и равенство, и свободу. Если ради достижения равенства оно прибегнет к силе, то это уничтожит свободу, а сила, примененная поначалу во имя самых лучших целей, окажется в руках людей, использующих ее в своих собственных интересах.

В противоположность этому, общество, которое ставит свободу превыше всего, обретет — даже не ставя перед собой эту задачу — и большую свободу, и большее равенство. И хотя большее равенство и является в этом случае непреднамеренным результатом (так сказать, „побочным продуктом“) свободы, его достижение отнюдь не случайно. Система свободной конкуренции высвобождает энергию и способности людей, давая им возможность преследовать свои собственные цели, и при этом защищает их от помех и произвола со стороны их сограждан или властей. Она не создает преград для достижения некоторыми людьми привилегированного положения, но препятствует превращению этих привилегий в закрепленные законом или традицией исключительные права — ибо, пока существует свобода, будет существовать и конкуренция со стороны других, быть может, более способных и целеустремленных людей. Свобода — это отсутствие не только унификации, но и раз навсегда установленной иерархии. У тех, кто сегодня находится в самом низу социальной лестницы, всегда существует перспектива завтра подняться на самый ее верх — и в этом процессе почти перед каждым человеком открывается благодаря свободе возможность прожить более полную и насыщенную жизнь.

Ф. А. ХАЙЕК

КТО КОГО?

Лучшая из дарованных миру возможностей
пропала втуне из-за страсти к равенству,
погубившей всякую надежду на свободу.

Лорд Актон

Показательно, что наиболее часто против конкуренции возражают на том основании, что она „слепа”. Нелишне напомнить, что древние изображали богиню правосудия с завязанными глазами, что служило символом ее беспристрастия и справедливости. У конкуренции, быть может, немного общего со справедливостью, но одно общее достоинство у них есть: и та, и другая „не взирают на лица”. Правовые нормы, не позволяющие заранее предсказать, кто от их применения выиграет, а кто проиграет, бесспорно, важны; но не менее важно и то, что в условиях конкурентной системы неизвестно заранее, кому повезет, а кому нет, а „поощрения” и „наказания” распределяются не в зависи-

мости от чьего-то личного мнения о том, кому что полагается, а от способностей и удачливости самих людей. Это важно еще и потому, что при наличии конкуренции случай и везение зачастую играют столь же существенную роль, как способности, мастерство или дар предвидения.

Неверно думать, что выбор, перед которым мы стоим — это выбор между системой, где каждый получает по заслугам в соответствии с некими абсолютными и универсальными критериями, и системой, где судьба человека в какой-то мере определяется случайностью или везением. В действительности это выбор между системой, при которой решать, кому что причитается, будут несколько человек, и системой, при которой это зависит, хотя бы отчасти, от способностей и предприимчивости самого человека, а отчасти — от непредсказуемых обстоятельств. То, что в мире свободного предпринимательства шансы неравны, ибо сам этот мир по природе своей зиждется на частной собственности и (быть может, с меньшей неизбежностью) на праве наследования, дела не меняет. Факты говорят о том, что вполне возможно уменьшить это неравенство в той мере, в какой позволяют врожденные различия, сохранив безличный характер конкуренции, при которой каждый может попытаться счастья и ничьи взгляды на то, что было бы правильным или желательным, не являются обязательными для всех.

В конкурентном обществе у бедных гораздо более ограниченные возможности, чем у богатых, и тем не менее, бедняк в таком обществе намного свободнее человека с гораздо лучшим материальным положением в обществе другого типа. При конкуренции у человека, начинающего карьеру в бедности, гораздо меньше шансов достичь богатства, чем у человека, унаследовавшего собственность; однако это не только возможно, но более того, конкурентный строй — единственный, где человек зависит лишь от самого себя, а не от милости сильных мира сего, и где никто не может помешать его попыткам достигнуть намеченной им цели. Люди забыли, что такое несвобода; поэтому они часто упускают из виду тот очевидный факт, что низкооплачиваемый неквалифицированный рабочий в Англии — практически в гораздо боль-

шей степени хозяин своей судьбы, чем мелкий предприниматель в Германии или высокооплачиваемый инженер или директор — в России. О чем бы ни шла речь — о перемене работы или места жительства, о выражении собственных взглядов или о проведении досуга — ему, возможно, придется заплатить за следование своим склонностям дорогой, для многих даже слишком дорогой ценой, но перед ним нет никаких абсолютно препятствий, он не рискует физической безопасностью и свободой, и ничто не привязывает его насильно к работе, месту жительства или социальному окружению, которые отведены ему властями.

В большинстве своем социалисты будут считать свой идеал достигнутым, если чисто нетрудовые доходы от собственности будут упразднены, а различия между трудовыми доходами останутся такими же, как сейчас.¹ Но они забывают, что с передачей всех средств производства в руки государства от его действий будут фактически зависеть все иные доходы. Тем самым государству дается огромная власть, и в этих обстоятельствах требование, чтобы оно использовало ее для целей „планирования”, означает, что оно должно пользоваться этой властью, полностью отдавая себе отчет во всех возможных последствиях своих действий.

Ошибкой было бы считать, что власть, которой таким образом облачается государство, просто переходит из одних рук в другие. На деле это новый вид власти, которым в конкурентном обществе не обладает никто. Пока собственность раздроблена между множеством владельцев, ни один из них не обладает исключительной властью определять размер личных доходов и общественное положение отдельных граждан — вся его власть над людьми состоит лишь в том, что он может предложить им лучшие условия, чем кто-либо другой.

Наше поколение забыло, что система частной собственности — важнейшая гарантия свободы не только для владельцев собственности, но и для тех, у кого ее нет. Только благодаря тому, что контроль над средствами производства распределен между множеством независящих друг от друга людей, никто не имеет над нами абсолютной власти, и мы

сами можем решать, чем мы будем заниматься. Если же все средства производства окажутся в одних руках, то их владелец — будь то номинальное „общество” или диктатор — получит над нами неограниченную власть. Можно ли усомниться, что представитель расового или религиозного меньшинства, не имеющий собственности, фактически обладает большей свободой, пока его соплеменники или единоверцы владеют частной собственностью и, таким образом, могут нанять его на работу, чем в том случае, когда частная собственность будет уничтожена, а он станет обладателем номинального „пая” в собственности общественной? Или что у мультимиллионера, оказавшегося моим соседом, а может быть, и работодателем, надо мной гораздо меньше власти, чем у ничтожнейшего чиновника, в чьих руках государственный аппарат насилия и от чьей прихоти зависит, позволено ли мне будет жить и работать? И кто возьмется отрицать, что общество, в котором власть в руках богатых, все равно лучше общества, в котором богатыми могут стать только те, в чьих руках власть?

Следить за тем, как эту истину открывает для себя такой известный старый коммунист как Макс Истмэн — грустное, но в то же время обнадеживающее зрелище:

„Теперь мне ясно (пишет он в недавно опубликованной статье) — хотя, должен признаться, я долго шел к этому выводу — что институт частной собственности — один из важнейших столпов той ограниченной свободы и равенства, которые Маркс надеялся безгранично расширить, уничтожив этот институт. Как ни странно, первым это понял сам Маркс. Именно он, оглянувшись назад, заметил, что предпосылкой для возникновения и развития всех наших демократических свобод было возникновение частного капитала и свободной торговли. Но ему так и не пришло в голову посмотреть вперед и сообразить, что в таком случае с уничтожением свободной торговли эти свободы также могут исчезнуть”.²

Иногда в ответ на такого рода опасения говорят, что пла-

нирующим органам совершенно незачем устанавливать размеры личных доходов. Определение части национального дохода, приходящейся на долю той или иной категории людей, связано с настолько очевидными социально-политическими трудностями, что даже закоренелый сторонник планирования трижды подумает, прежде чем возложить на кого-либо эту задачу. Вероятно, каждый, кто понимает, чем это чревато, предпочел бы ограничить планирование производственной сферой и применять его только для „рациональной организации производства”, оставив сферу распределения, насколько возможно, во власти безличных сил. Разумеется, нельзя, руководя производством, не оказывать какого-то влияния на распределение, и никакие планирующие органы не захотят всецело отдать распределение на волю стихийных сил рыночной экономики. Вероятно, все они предпочли бы просто следить за тем, чтобы распределение соответствовало неким общим нормам справедливости и беспристрастия, избегать крайностей и поддерживать справедливое соотношение между вознаграждением основных классов общества, не беря на себя ответственности за положение конкретных людей внутри классов и за градации между небольшими группами и отдельными людьми.

Как мы уже видели, тесная взаимосвязь всех экономических явлений затрудняет ограничение сферы планирования рамками, выбираемыми по нашему желанию, и когда мероприятия, тормозящие свободное функционирование рынка, превысят какой-то определенный предел, планирующим органам придется расширять контроль до тех пор, пока он не станет всеобъемлющим. Экономические причины, делающие невозможным прекращение сознательного контроля там, где мы того пожелаем, подкрепляются определенными общественно-политическими тенденциями, усиливающимися по мере расширения сферы планирования.

Как только постепенное осознание новой ситуации превращается во всеобщую уверенность, что теперь социальное положение человека определяется не безличными силами, а сознательными решениями властей, отношение людей к своему социальному положению неизбежно меняется.

Неравенство, кажущееся несправедливым тем, кто от него страдает, разочарования, представляющиеся незаслуженными, и неудачи, ничем не вызванные, будут существовать всегда. Но когда такое случается в сознательно управляемом сверху обществе, люди реагируют на это совсем иначе. Неравенство, обусловленное безличными силами, переносится легче и затрагивает человеческое достоинство в гораздо меньшей степени, чем неравенство намеренное. Если в конкурентном обществе какая-то фирма сообщает человеку, что не нуждается в его услугах или не может ему предложить лучшей работы, в этом нет никакого неуважения, никакого оскорбления достоинства. Правда, продолжительная массовая безработица может действовать на людей аналогичным образом, но для борьбы с этим бичом нашего общества существуют иные, и лучшие, методы, чем централизованное руководство. Однако безработица или потеря дохода, выпадающие на чью-то долю в любом обществе, безусловно, менее унижительны, если являются результатом неудачи, а не навязаны властями. Каким бы горьким ни был этот опыт, в планируемом обществе он окажется еще горше. Там придется решать вопрос не о том, нужен ли человек для определенной работы, а о том, нужен ли он вообще, и если нужен, то в какой степени. Его место в жизни и в обществе будет определяться решением властей.

Люди покорно переносят страдания, которые могут выпасть на долю любого, но им гораздо труднее покориться страданиям, вызванным постановлением властей. Плохо быть винтиком в безличном механизме, но в тысячу раз хуже, когда ты не можешь его покинуть, когда ты намертво прикреплен к месту и начальнику, выбранным кем-то за тебя. Всеобщее недовольство своей участью неизбежно растет с сознанием, что участь эта сознательно кем-то предreshена.

Вступив на путь планирования, чтобы достичь справедливости, правительство не может снять с себя ответственности за судьбу и социальное положение каждого человека. В планируемом обществе все будут знать, что им живется лучше или хуже, чем другим, не из-за непредвиденных и никому неподвластных обстоятельств, а потому, что так хочет какой-

нибудь правящий орган. Поэтому старания улучшить свое положение сведутся не к тому, чтобы предусмотреть эти обстоятельства и к ним подготовиться, а к попыткам добиться расположения власть имущих. Кошмар английских политических мыслителей девятнадцатого века — государство, в котором „не будет иного пути к богатству и почету, чем путь через коридоры власти”³ — осуществится с полнотой, какой они не могли в то время и вообразить — но ставшей вполне привычным делом в некоторых странах, с тех пор уже пришедших к тоталитаризму.

Как только государство берет на себя планирование всей экономики, центральным политическим вопросом становится вопрос о надлежащем общественном положении отдельных лиц и социальных групп. Поскольку государство единолично и в принудительном порядке решает, кому что причитается, единственной формой власти, имеющей какую-то ценность, оказывается участие в принятии и проведении в жизнь такого рода решений. Все экономические и общественные вопросы превращаются, таким образом, в политические, в том смысле, что решение их зависит исключительно от того, в чьих руках находится аппарат насилия, от того, чьи взгляды будут всегда одерживать верх.

Кажется, знаменитую фразу „Кто кого?”, олицетворявшую в первые годы советской власти основной вопрос, стоявший перед социалистическим обществом, ввел в употребление сам Ленин.⁴ Этот вопрос не сводится к простейшей дилемме непримиримой борьбы за власть — кто кого одолеет, „мы — их, или они — нас”, по выражению того же Ленина. Он в максимально сжатом виде заключает в себе принципиальнейший вопрос о том, кто будет субъектом, а кто — объектом действий, определяющих условия жизни каждого человека при социализме. Кто будет планировать и кого это планирование будет обязывать что-то делать? Кто будет руководить и кого будут заставлять подчиняться? Кто определяет социальное положение других людей и кто

вынужден получать лишь то, что ему выделено другими? Все это неизбежно превращается в главные вопросы, которые может решить только верховная власть.

Не так давно один американский политолог расширил ленинскую фразу и заявил, что основной проблемой, стоящей перед каждым правительством, является вопрос, „кто получает что, когда и на каких условиях”. В каком-то смысле это верно. Любое правительство оказывает влияние на социальное положение различных людей по отношению друг к другу, и при любой системе практически нет таких сторон жизни, которых не может затронуть никакое правительственное мероприятие. Пока правительство хоть что-то делает, его действия всегда будут как-то влиять на то, „кто получает что, когда и на каких условиях”.

Однако здесь надо провести два фундаментальных различия. Во-первых, те или иные конкретные меры можно принимать, не имея представления о том, как они повлияют на конкретных лиц, и не имея в виду этих конкретных последствий. Это мы уже рассмотрели. Во-вторых, вопрос о том, определяется ли решением правительства *все*, что *всегда* получает *каждый* человек, или только *некоторые* вещи, которые *иногда* получают *некоторые* люди, на *некоторых* условиях, зависит от пределов власти, которой располагает правительство. Именно в этом и заключается разница между свободным строем и тоталитаризмом.

Контраст между либеральным и полностью планируемым обществом находит свое характерное выражение в общих жалобах нацистов и социалистов на „искусственное отделение политики от экономики”, и столь же едином требовании главенства политики над экономикой. Вся эта фразеология означает, по-видимому, что сейчас экономическим силам не только позволено работать на цели, не являющиеся частью правительственной политики, но что их можно использовать безотносительно от правительственного руководства и в целях, не одобряемых правительством. Альтернатива подобной ситуации — это не просто единая власть, ибо правящая верхушка в этом случае будет контролировать все цели отдельных граждан и, в частности, полностью определять

место, отведенное каждому в обществе.

Итак, не подлежит сомнению, что правительству, взявшему на себя руководство экономикой, придется употребить свою власть на осуществление чьего-то идеала справедливого распределения. Но как за это взяться, согласно каким принципам? Существует ли точный ответ на неминуемые бесчисленные вопросы об относительных правах и заслугах, которые придется решать? Существует ли приемлемая для всех разумных людей шкала ценностей, оправдывающая новую общественную иерархию и удовлетворяющая требованиям справедливости?

Четкий ответ на все эти вопросы мог бы дать лишь один принцип, одно простое правило: равенство, полное и абсолютное, во всех областях жизни, контролируемых человеком. Если бы все стремились именно к этому (не будем вдаваться в обсуждение того, осуществимо ли это, т. е. можно ли при этом обеспечить адекватное стимулирование), то туманная идея справедливого распределения стала бы четкой и ясной, и у плановых органов появился бы четкий ориентир. Но совершенно неверно думать, что люди действительно хотят такого механического равенства. Ни одно социалистическое движение, стремившееся к полному равенству, никогда не пользовалось серьезной поддержкой. Социализм обещал не абсолютно равное, а более справедливое и *более равное* распределение. Единственной всерьез поставленной целью является не равенство в абсолютном смысле, а „большее равенство“.

Эти идеалы, как будто столь близкие, в интересующем нас отношении далеки как небо и земля. Абсолютное равенство ставит перед планирующими органами четкую задачу, тогда как стремление к большему равенству — является чисто негативным и выражает всего лишь неудовлетворенность нынешним положением вещей. И пока мы не готовы признать желательными любые шаги, ведущие к полному равенству, идея „большого равенства“ не даст ответа ни

на один из вопросов, которые придется решать плановым органам.

Все это не просто игра словами: перед нами вопрос, решающая важность которого затемнена сходством терминов. Принятие принципа полного равенства немедленно решило бы все проблемы относительно того, кто чего заслуживает, тогда как формула „большее равенство” практически не решает ни одной из них. Она так же неопределенна, как фразы „общественное благо” и „всеобщее благосостояние”. Она не освобождает от необходимости в каждом конкретном случае делать выбор между различными людьми и социальными группами и ни в чем этот выбор не облегчает. Единственное, что она нам говорит — что нужно как можно больше забрать у богатых. Но когда дело доходит до „дележа добычи”, полученной в результате экспроприации, проблема выглядит так же, как если бы принципа „большого равенства” никогда не было и в помине.

Большинству людей трудно признать, что у нас нет моральных критериев, позволяющих решить эти вопросы раз и навсегда — если не идеально, то по крайней мере лучше, чем при конкуренции. Разве у каждого из нас нет определенного представления о „справедливой цене” или „справедливой заработной плате”? Разве не можем мы положиться на человеческое чувство справедливости? И даже если в данный момент невозможно достичь соглашения относительно того, что в том или ином конкретном случае справедливо, а что нет — разве из общих представлений не выработаются более четкие нормы вскоре после того, как люди увидят свои идеалы воплощенными в жизнь?

К сожалению, надеяться на это нет оснований. Те нормы, какие у нас есть, созданы конкурентным строем, при котором мы живем, и с исчезновением конкуренции неизбежно также вскоре исчезнут. Под „справедливой ценой”, или „справедливой заработной платой”, мы подразумеваем либо цены и зарплаты, установленные обычаем, т. е. то, чего можно

ждать по опыту, либо цены и зарплаты, которые возникли бы при отсутствии монополистической эксплуатации. Единственным важным исключением из этого правила является требование, чтобы рабочие полностью получали „продукт своего труда”, к которому восходит столь многое в социалистическом учении. Однако ныне лишь немногие социалисты верят в то, что в социалистическом обществе вся продукция каждой отрасли промышленности будет полностью распределяться на паях между рабочими, занятыми в этой отрасли. Действительно, это означало бы, что у работников, занятых в капиталоемких отраслях промышленности, доход окажется гораздо больше, чем у работников отраслей, требующих невысоких капиталовложений, что большинство социалистов сочло бы весьма несправедливым. Помимо того, сегодня практически все согласны, что это конкретное требование основывалось на ошибочном толковании фактов. Но и после того, как отдельному рабочему отказано в праве на получение его „доли” общего продукта, а прибыль от капитала предназначается для раздела между всеми трудящимися, остается открытым все тот же основополагающий вопрос: как ее разделить.

В принципе можно было бы объективно установить „справедливую цену” того или иного *конкретного* товара, как и „справедливое” вознаграждение за ту или иную *конкретную* услугу, если бы было заранее твердо известно требуемое количество товаров или услуг. Если бы это количество указывалось безотносительно к себестоимости, плановые организации могли бы попытаться выяснить, установление какого уровня цен и объема заработной платы позволило бы удовлетворить существующий спрос. Но при этом они должны также решить, сколько нужно выпустить товаров *каждого* вида: только таким образом можно определить умеренную цену или справедливую заработную плату. Если планирующие органы решат, что требуется меньше архитекторов или часовщиков, и что существующая потребность в них может быть удовлетворена при помощи лишь тех, кто согласен продолжать выполнять свою работу за меньшее вознаграждение, то размеры „справедливой” заработной

платы понизятся. Устанавливая иерархию приоритетов для различных целей, планирующие органы тем самым устанавливают также, интересы каких социальных групп и отдельных людей важнее, а какими можно пренебречь. Поскольку предполагается, что они не рассматривают людей просто как орудия для осуществления поставленных целей, они должны будут учитывать последствия принимаемых решений для человеческих судеб и сознательно выбирать, что важнее — конкретные цели или последствия принятых решений. Но это как раз и означает, что планирующие органы по необходимости будут осуществлять прямой контроль над условиями жизни отдельных людей.

Все сказанное относится к положению не только отдельных лиц, но и профессиональных групп. Мы вообще слишком склонны считать доходы различных представителей какой-либо свободной профессии или ремесла более или менее единообразными. А между тем разрыв между доходами преуспевающего врача или архитектора, писателя или киноактера, боксера или жокея (точно так же, как и водопроводчика или садовника, бакалейщика или портного) и его менее удачливого коллеги — не меньше, чем между доходами класса собственников и класса неимущих. И хотя, несомненно, последуют какие-то попытки стандартизации путем создания категорий, необходимость установить различия между людьми останется в силе, как бы ее ни осуществлять: устанавливая размеры их доходов или разделяя их на категории.

Вряд ли стоит продолжать разговор о вероятности того, что люди, живущие в свободном обществе, будут поставлены под подобный контроль — или о возможности, что они останутся при этом свободными. Все, что можно сказать по этому поводу, уже было сказано Джоном Стюартом Миллем почти столетие назад; время лишь подтвердило правоту этих слов:

„Люди, может быть, и согласились бы, пусть неохотно, на раз навсегда установленный закон, например, о равенстве, так же как на игру случая или внешней необходимости; но чтобы кучка людей взвешивала всех остальных на весах и давала одним больше, другим меньше по своей прихоти и по своему усмотрению — такое можно вынести только от

сущест, обладающих, по всеобщему убеждению, сверхчеловеческими качествами и опирающихся на невообразимые ужасы”.⁵

* * *

Все эти трудности не обязательно ведут к конфликтам, пока социализм остается мечтой ограниченной и сравнительно однородной группы. Они всплывают на поверхность только при попытке осуществить социализм на практике, заручившись поддержкой множества различных социальных групп, вместе составляющих большинство населения страны. Тогда встает единственный жгучий вопрос: какой из множества идеалов подчинит себе остальные, поставит себе на службу все ресурсы страны? Для успешного планирования требуется выработать общую точку зрения на основные ценности: вот почему ограничения свободы в материальной сфере непосредственно затрагивают свободу духовную.

Социалисты, эти хорошо воспитанные родители „несознательного” отпрыска, не желающего признавать никаких втолковываемых ему норм, по традиции надеются решить эту задачу при помощи „воспитания социалистической сознательности”. Но что значит в данном случае воспитание, просвещение, искоренение пережитков в сознании масс и т. д.? Всем давно известно, что знания не могут создать новых этических ценностей, что никаким объемом эрудиции не выработать у людей одинаковых мнений по вопросам морали, возникающим при сознательном упорядочении всех социальных отношений. Для оправдания того или иного конкретного плана требуется не рационально обоснованная убежденность, а приятие символа веры. И действительно, социалисты повсюду первыми признали, что поставленная ими задача требует всеобщего единого мировоззрения, единой системы ценностей. Именно социалисты, в своих стараниях породить массовое движение, опирающееся на единую идеологию, и создали те идеологические средства внушения, которыми так успешно воспользовались нацисты и фашисты.

В Германии и Италии нацистам и фашистам практически

не потребовалось изобретать ничего нового. Обычаи и ритуалы новых политических движений, пропитывающие все стороны жизни, были введены в употребление социалистами. Идею политической партии, охватывающей все стороны жизни человека от колыбели до могилы, стремящейся руководить всеми его взглядами и обожающей превращать любые вопросы в партийно-идеологические, впервые на практике осуществили социалисты. Один австрийский социалистический публицист, говоря о социалистическом движении у себя на родине, с гордостью сообщает, что „его характерной чертой было создание специализированных организаций в каждой области деятельности рабочих и служащих”.⁶ Австрийские социалисты, возможно, поплыли в этом отношении дальше других, но и в остальных странах дело обстояло почти точно так же. Не фашисты, а социалисты начали вовлекать детей с младенческого возраста в политические организации, чтобы они вырастали хорошими пролетариями. Не фашисты, а социалисты впервые придумали устраивать занятия спортом и организованные экскурсии в рамках партийных клубов, члены которых таким образом не могли бы развиться чуждыми взглядами. Именно социалисты первыми стали требовать, чтобы члены партии отличались от прочих формой приветствия и обращения. Именно они со своими „ячейками” и постоянным надзором над личной жизнью создали прототип тоталитарной партии. „Балилла” и „Гитлер-югенд”, „Дополаворо” и „Крафт дурх Фроиде”,⁷ унифицированная форма одежды и военизированные „штурмовые отряды” — все это не более чем имитация того, что уже задолго до этого было изобретено социалистами.⁸

Пока социалистическое движение в стране тесно связано с интересами какой-то конкретной группы, — обычно высококвалифицированных промышленных рабочих, — проблема выработки единого мнения относительно желательного социального статуса тех или иных членов общества сравнительно проста. Движение непосредственно заинтересовано

в статусе одной определенной группы, и цель его — повысить этот статус относительно всех других групп. Однако характер проблемы меняется, когда в ходе постепенного движения к социализму каждому становится все яснее, что его доход и положение определяются государственным аппаратом насилия, что он может сохранить свое положение или улучшить его только в качестве члена организованной группы, способной влиять на государственную машину или даже ее контролировать. В возникающем на этой стадии „перетягивании каната” группами, представляющими различные интересы, вовсе необязательно побеждают интересы беднейших и наиболее многочисленных групп. Да и старые социалистические партии, открыто представляющие интересы какой-то конкретной группы, необязательно извлекают для себя какие-то преимущества из того факта, что они первыми начали борьбу и что вся их идеология была направлена на то, чтобы привлечь на свою сторону промышленный рабочий класс. Самый их успех, как и то, что они требуют принятия всей своей идеологии в целом, непременно вызовет мощное контрдвижение — не капиталистов, а тех многочисленных и тоже лишенных собственности классов, чей относительный статус окажется под угрозой в связи с наступлением элиты промышленных рабочих.

Социалистическая теория и тактика, даже если в ней не господствует марксистская догма, повсюду была основана на идее разделения общества на два класса, интересы которых лежат в одной области, но являются антагонистическими: класс капиталистов и класс промышленных рабочих. Социализм рассчитывал на быстрое исчезновение прежнего „среднего сословия” и совершенно не принимал во внимание рост нового „среднего класса”:⁹ бесчисленной армии конторских служащих и машинисток, администраторов и учителей, торговцев и мелких чиновников, а также представителей низших разрядов свободных профессий. В течение какого-то периода лидеры рабочего движения нередко были выходцами из этого класса. Но по мере того как все яснее становилось, что положение указанных слоев ухудшается по сравнению с положением промышленных рабочих,

идеалы рабочего класса утратили свою привлекательность для представителей прочих средних и низших слоев городского населения. Правда, все они оставались социалистически настроенными — в том смысле, например, что были недовольны капиталистической системой и выступали за распределение материальных благ между всеми слоями населения в соответствии с собственными представлениями о справедливости; но представления эти оказались совсем иными, чем те, что нашли отражение в практике старых социалистических партий.

Средство, успешно применявшееся старыми социалистическими партиями для обеспечения поддержки какой-то одной профессиональной группы — повышение ее уровня экономического благосостояния по сравнению с другими — невозможно использовать для того, чтобы заручиться поддержкой всех социальных слоев. В результате должны неизбежно возникнуть конкурирующие социалистические партии и движения, апеллирующие к тем, чье экономическое положение по сравнению с другими ухудшилось. В часто повторяемом утверждении, что фашизм и национал-социализм — это нечто вроде социализма для среднего класса, много правды, за исключением того, что группы, поддерживавшие эти новые движения в Италии и Германии, экономически уже перестали быть средним классом. В значительной степени это был бунт лишенного привилегий нового класса против рабочей аристократии, порожденной промышленным профсоюзным движением. Нет сомнения, что ни один экономический фактор так не способствовал этим движениям, как зависть далеко не преуспевающего представителя свободной профессии, какого-нибудь инженера или адвоката с университетским образованием, и всего „пролетариата умственного труда” в целом, к машинисту, наборщику и прочим членам сильнейших профсоюзов, чьи доходы превышали их собственные во много раз. Не может быть сомнения и в том, что с точки зрения денежного дохода рядовой член нацистского движения в первые его годы был беднее, чем средний тред-юнионист или член социалистической партии — обстоятельство тем более мучительное, что

первый зачастую знал лучшие времена и нередко все еще жил в обстановке, напоминавшей ему о прошлом. Выражение „классовая борьба навыворот“, ходившее в Италии в период роста фашистского движения, указывает на очень важный аспект этого движения. Конфликт между фашистской (или национал-социалистской) партией и старыми социалистическими партиями нужно рассматривать в значительной мере как неизбежный конфликт между соперничающими социалистическими фракциями. Они не расходились в вопросе о том, что именно воля государства должна определять место каждого человека в обществе. Но между ними были, и всегда будут, глубочайшие расхождения в вопросе о том, какое место должны занимать конкретные классы и социальные группы.

Старым социалистическим вождям, всегда считавшим свои партии естественным передовым отрядом будущего всеобщего движения к социализму, трудно понять, почему каждое расширение области применения социалистических методов восстанавливает против них широкие классы бедного населения. Но дело тут в том, что старые соцпартии, как и профсоюзы в отдельных областях промышленности, обычно без особого труда договаривались о совместных действиях с работодателями в своих отраслях, тогда как весьма широкие слои общества оставались ни с чем. Поэтому последним казалось — и не без оснований — что представители наиболее мощных и процветающих отрядов рабочего движения принадлежат скорее к эксплуатирующему, нежели к эксплуатируемому классу.¹⁰

Недовольство низов среднего класса, откуда вышло столько сторонников фашизма и национал-социализма, еще более усиливалось тем фактом, что уровень образования и профессиональная подготовка, которой зачастую обладали представители этих слоев, побуждал их стремиться к руководящим постам и считать, что они вполне достойны стать членами правящей элиты. Младшее поколение, возвращенное

на социалистической теории с ее презрением к „торгашеству” и „погоне за прибылью”, отвергало путь независимого предпринимательства, связанный с риском, и во все большем количестве вливалось в армию служащих, предпочитая твердый оклад и гарантированное будущее. При этом они требовали доходов и власти, на которые им, по их мнению, давало право образование. Они верили в организованное общество и рассчитывали в этом обществе совсем не на такое место, которое им могла бы предложить система, организованная в соответствии с идеалами, провозглашавшимися лидерами рабочего движения. Они были вполне готовы перенять методы „классического” социалистического движения, поставив их на службу другому классу. Новое движение привлекало всех тех, кто соглашался с необходимостью поставить под контроль государства всю экономическую жизнь, но не был согласен с целями, во имя которых использовала свою политическую мощь аристократия промышленных рабочих.

Новое социалистическое движение с самого начала обладало несколькими тактическими преимуществами. Социализм рабочего класса вырос в демократическом и либеральном мире, приспособивая к нему свою тактику и перенимая многие идеалы либерализма. Его главные деятели все еще верили в то, что построение социализма решит все проблемы. С другой стороны, фашизм и национал-социализм выросли на основе все более регулируемого общества, начавшего осознавать, что демократический и интернационалистический социализм стремится к несовместимым идеалам. Их тактика вырабатывалась в мире, где *уже господствовал* социалистический политический курс и вызываемые им трудности. У них не было иллюзий относительно возможности демократического решения вопросов, требующего от людей большего единодушия, чем можно ожидать. У них не было иллюзий ни по поводу способности разума решить неизбежно встающую в связи с планированием проблему относительных человеческих потребностей, ни по поводу того, что ответ дается принципом равенства. Они знали, что сильнейшая группировка, которая соберет достаточно сторонников нового иерархического общественного порядка

и прямо пообещает классам, к которым апеллирует, определенные привилегии, имеет больше всего шансов на поддержку со стороны тех, кто испытал разочарование, когда обещанное равенство превратилось в содействие интересам определенного класса. Главная причина успеха фашизма и национал-социализма заключалась в том, что эти движения предложили теорию (или мировоззрение), которая, казалось, со всей очевидностью доказывала справедливость и заслуженность привилегий, обещанных тем, кто их поддержит.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДАМИ

- 1 Амиши относятся к протестантской секте меннонитов, отличающихся нравственным ригоризмом, отвергающих клятву, тяжбы, войну и разлучение супругов и проповедующих непротивление злу насилием. По вероучению близки к баптистам.
Прим. ред.
- 2 Данное утверждение автора нуждается в разъяснении. В преобразованной России, т. е. в течение всего последнего (полувекового!) периода существования монархии, „некоторые граждане” не имели права сменить место работы без разрешения „политических властей” только в том случае, если речь шла о *некоторых определенных* профессиях и занятиях. Прежде всего речь шла о приговоренных „к каторге, ссылке, а также к соединенному с лишением прав состояния заключению в тюрьме”, которые, в частности, по закону лишались права „... состоять на государственной, сословной земской, городской или общественной службе”, получать разрешения на ведение торго-

вых предприятий первых двух разрядов, а промышленных – первых пяти разрядов, а также быть „начальствующим, воспитателем или учителем в общественном или частном (курсив наш – А.Б.) учебном заведении, а также пользоваться правами домашнего учителя”, причем сроки этого лишения в правах также устанавливались законом (см. *Новое Уголовное Уложение* от 1903 г., ст. 25, 27, 30, 33). Кроме того, существовала система аналогичных „запретов на профессии” для лиц, поставленных под гласный надзор полиции (более широкая, ибо основывающаяся в значительной степени на дискреционной власти полиции), введенная в 1882 г. Наконец, полиция обладала полномочиями выдавать справки о благонадежности, необходимые для поступления в университет или на „ответственную” должность. Таким образом, поступление на работу к *частным* предпринимателям практически никак не контролировалось. Даже такой историк, как Ричард Пайпс, усердно выискивающий корни советского тоталитаризма в характерных особенностях российской монархической системы, вынужден признать, что в России „наличие частного капитала и частных предприятий сводило на нет многие полицейские меры, направленные на то, чтобы лишить неблагонадежные элементы средств к существованию. Неблагонадежное лицо почти всегда могло устроиться в какой-нибудь частной фирме, администрация которой либо не симпатизировала правительству, либо была политически нейтральной. (...) Благодаря частной собственности по всей территории империи создались уголки, куда полиция была бессильна ступить, поскольку законы, бесцеремонно попиравшие права личности, строго охраняли право собственности”. (R. Pipes, *Russia Under the Old Regime*, 1974; русский перевод: Р. Пайпс, *Россия при старом режиме*. Кембридж, Масс., 1980, стр. 421-422). *Прим. ред.*

- 3 Пятая поправка к Конституции США гласит, что никто не обязан давать в суде показания против самого себя. Ею нередко пользовались выступавшие перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в период маккартизма. *Прим. пер.*

МОГУЧАЯ РУКА РЫНКА

- 1 ОПЕК – Организация стран-экспортеров нефти (от англ. OPEC Organisation of Petroleum Exporting Countries). *Прим. ред.*

- 2 Хотя здесь А. Смит говорит об обязанностях „государя” („sovereign”), это отражает лишь его желание донести свои идеи до современного ему читателя (книга была издана в 1776 г.) и ни в коей мере не меняет их сути. Фактически речь идет о „государственной власти”, и в многочисленных исторических примерах, рассеянных по страницам *Богатства народов* и относящихся, например, к Древней Греции или Риму, автор систематически употребляет формулу типа „расходы государя или государства” и т. п. В аналогичных случаях М. и Р. Фридман пользуются термином „government”, который имеет в английском языке несколько значений и поэтому переводится нами в зависимости от контекста иногда как „правительство”, а иногда – как „государство”. *Прим. ред.*
- 3 Общее право – совокупность правовых норм, основанных на обычае и установленном прецеденте судебных решений (в отличие от гражданского права, основывающегося на своде *кодифицированных* законодательных установлений – сюда входят, например, римское право, кодекс Наполеона и аналогичные кодексы, принятые в большинстве европейских стран). Общее право принято сегодня за основу юридической системы в Англии, США (за исключением штата Луизиана, где действует кодекс Наполеона) и некоторых других странах. *Прим. ред.*
- 4 Патернализм – система принципов (либо тактика) деятельности правительства или работодателей, которые берут на себя обеспечение личных потребностей граждан, одновременно устанавливая определенные нормы их поведения в качестве частных лиц, а также их отношений с государством (или работодателем) и другими гражданами. *Прим. ред.*
- 5 Автор пользуется выражением „big government” – распространенным термином из американского политического лексикона, употребляющимся противниками усиления централизованной власти федерального правительства, расширения налогообложений и увеличения государственных расходов. *Прим. ред.*
- 6 „Welfare state” – термин, принятый для обозначения государства с развитой сетью социального обеспечения, бесплатным обучением, медицинской помощью, выплатой пособий по безработице и т. п. *Прим. ред.*
- 7 Мэйдзи исин (япон. – обновление, реставрация Мэйдзи) – революция 1867-68 гг., свергнувшая существовавшую с двенадцатого века систему правления сегунов (военно-феодалных правителей), при которой императорская династия была лишена реальной власти. На престол вступил император Муцухито

(1867-1912), принявший имя Мэйдзи (букв. – просвещенное правление). Период его царствования, официально именуемый „периодом Мэйдзи”, ознаменовался превращением Японии из феодальной империи в современное государство: развивалась промышленность, крестьяне получили право на землю, расширялась система просвещения, были модернизированы вооруженные силы и т. д. *Прим. ред.*

- 8 Эти строки, написанные американской поэтессой Эммой Лазарус в 1883 г. и ставшие в США классическими, были высечены в 1903 году на цоколе статуи Свободы, подаренной США Францией. *Прим. ред.*

СВОБОДА, РАВЕНСТВО И ЭГАЛИТАРИЗМ

- 1 Melting pot (англ.) – появившийся на рубеже столетия термин для обозначения процесса американизации иммигрантов: нация, которая ассимилирует и „сплавляет воедино” все национальности и все культуры. Существование в наши дни сохраняющихся (особенно в крупных городах) особенностей социального, культурного и образовательного характера, отличающих различные этнические группы, свидетельствует о несостоятельности теории „плавильного тигля”. В настоящее время в США получил широкое распространение более реалистический подход, выраженный в концепции „культурного плюрализма”. *Прим. ред.*
- 2 Laissez-faire (фр.) – буквально: „позволяйте делать /кто что хочет/” – доктрина, восходящая к французским экономистам середины восемнадцатого века, отстаивающая принцип невмешательства государства в экономические отношения. *Прим. ред.*
- 3 Закон Шермана (1890) – первый крупный федеральный законодательный акт, направленный на ограничение мощи монополий, выросших после войны между Севером и Югом. Неудачное определение основных понятий – как, например, „трест”, „монополистическое объединение” или „ограничение торговли” – допускало многочисленные лазейки, и в 1914 г. этот закон был дополнен и усилен „антитрестовским законом Клейтона”. Последний дал развернутое определение незаконных монополистических действий, а также легализовал мирные забастовки, пикетирование и бойкотирование, являвшиеся орудиями борьбы профсоюзов и рабочих организаций (закон

Шермана рассматривал их как организации трестовского типа).
Прим. ред.

- 4 American Way of Life – весьма популярное прежде патриотическое выражение (ныне приобретающее риторический либо ностальгический оттенок) для обозначения основных „сугубо американских” ценностей, к которым относятся свободное предпринимательство, равенство возможностей, благосостояние, личная свобода – то есть, по словам другого аналогичного выражения, „все то, что сделало Америку великой”. *Прим. ред.*
- 5 Здесь имеются в виду знаменитые чикагские скотобойни и мясоконсервные комбинаты, где, по выражению современников, „от свиньи не пропадало ничего, кроме визга”. Даже сегодня на американском слэнге Чикаго называют „Porkopolis” – т. е. просто Свиноград. *Прим. ред.*
- 6 У. Г. Самнер (1844-1910) – американский социолог, сторонник теории так называемого „социального дарвинизма”. *Прим. ред.*
- 7 События, происшедшие после написания книги (1979), только подтвердили верность выводов автора. Правительство консерваторов, возглавляемое М. Тэтчер, проводившее решительную и дальновидную политику и отменившее большинство эгалитарских и коллективистских мер, принятых его предшественниками, сумело вывести страну из глубокого экономического кризиса (трудности, которые переживает Англия в настоящее время, связаны с внешними экономическими факторами глобального масштаба – например, падением цен на нефть). Интересно отметить, что в последние годы состояние экономики различных промышленно развитых стран чрезвычайно быстро реагировало на различные мероприятия „социалистического” толка, проводимые в жизнь приходящими к власти в этих странах социалистическими и социал-демократическими правительствами. Опубликованный в январе 1985 г. Европейским Форумом Управления ежегодный отчет о состоянии экономики 28 промышленно развитых стран Запада показывает, что распределение мест, занимаемых ими в соответствии со специально разработанным „индексом конкурентноспособности”, непосредственно отражает чисто политический факт – кто стоит у власти. Все страны, где ныне у власти находятся социалисты, откатились на более низкие места по сравнению с 1984 г.: Швеция – на 1 место, Финляндия – на 4, Австрия – на 4, Австралия – на 4, Франция – на 4, Италия – на 4, Испания – на 5, Португалия – на 5, Греция – на 7 мест. И наоборот, практически все страны, где у власти находятся правые или право-

центристские правительства (в некоторых случаях лишь недавно сменившие своих „левых” предшественников), поднялись в таблице на несколько мест вверх или сохранили свою позицию. Единственным важным исключением является Япония, уступившая 1-е место США, которые поднялись с 3-го места (на 2-м осталась Швейцария) – да и то этот факт служит скорее иллюстрацией мощного экономического подъема в Соединенных Штатах, достигнутого благодаря политике администрации президента Р. Рейгана (см. *Report on International Competitiveness*, E. M. F., Genève, 14.01.1985). *Прим. ред.*

- 8 Hedrick Smith, *The Russians*, N.Y. 1976 (русский перевод: Х. Смит, *Русские*, 3 т., 1979); Robert J. Kaiser, *Russia: The People and the Power*, N.Y. 1976 (русский перевод: Р. Кайзер, *Россия: власть и народ*, 1979).

КТО КОГО?

- 1 Вероятно, мы обычно преувеличиваем разрыв в доходах, вызванный наличием или отсутствием собственности, и, соответственно, возможность устранения неравенства с помощью упразднения доходов от собственности. Судя по тому немногому, что нам известно о распределении доходов в советской России, неравенство там ненамного меньше, чем в капиталистическом обществе. Макс Истмэн (*Конец социализма в России*, 1937, сс. 30-34) приводит сведения из официальных советских источников, показывающие, что разрыв между самыми высокими и самыми низкими заработками в России – такого же порядка (примерно 50 к 1), как в США; а Троцкий в статье, цитируемой Джеймсом Бернзэмом (*Революция менеджеров*, 1941, с. 43), уже в 1939 г. оценивал, что „в СССР верхушка, составляющая 11-12% населения, получает сейчас около 50% национального дохода. Эта дифференциация резче, чем в США, где высшие слои, насчитывающие 10% населения, получают приблизительно 30% национального дохода”.
- 2 *The Reader's Digest*, July 1941, p. 39.
- 3 Эта формулировка принадлежит молодому Дизраэли.
- 4 См. M. Muggeridge, *Winter in Moscow*, 1934; A. Feiler, *The Experiment of Bolshevism*, 1930.
- 5 J. S. Mill, *Principles of Political Economy*, Bk 1, Ch. II, Para. 4.
- 6 G. Wieser, *Ein Staat stirbt, Oesterreich 1934-1938*, Paris 1938, p. 41.

- 7 „Балилла” – парамилитарная массовая фашистская молодежная организация в Италии (названа по имени гетуэзского подростка, давшего сигнал к восстанию против австрийцев в 1746 г.). „Гитлерюгенд” („Гитлеровская молодежь”) – аналогичная нацистская молодежная организация. „Дополаворо” (буквально: „После работы”) – массовая организация в фашистской Италии, предназначенная для повышения сознательности и улучшения физического состояния всех трудящихся. В числе ее мероприятий были: художественное воспитание, физическая культура, туризм и экскурсии, а также мероприятия по социальному страхованию и социальному обеспечению. „Крафт дурх Фройде” (буквально: „Сила через радость”) – аналогичная организация в нацистской Германии, делавшая особый упор на массовые мероприятия, развивающие физическую подготовку. *Прим. ред.*
- 8 Здесь можно провести наводящую на размышления параллель с политическими „клубами любителей книги” в Англии.
- 9 Middle class (англ.) – 1) средний класс (в западной социологии – широкая социальная категория, к которой, в терминах марксистской социологии, относится средняя буржуазия и верхушка мелкой, а также верхние слои интеллигенции, чиновничества и т. п.), 2) *ист.* буржуазия, среднее сословие. *Прим. ред.*
- 10 Еще двенадцать лет назад один из ведущих европейских социалистов-интеллектуалов, Гендрик де Ман (который с тех пор, вполне последовательно развивая свои взгляды, пришел к примирению с нацистами), заметил, что „впервые с момента зарождения социализма недовольство капитализмом обращается против социалистического движения” (*Sozialismus und National-Faszismus, Potsdam 1931, p. 6*).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Читателям, желающим ближе познакомиться с идеями либерализма и „неолиберализма”, издательство рекомендует следующий примерный список литературы.

Ф. А. Хайек, *Дорога к рабству*
(F. A. Hayek, *The Road to Serfdom*, London 1944, reprinted in 1976; русский перевод: Ф. А. Хайек, *Дорога к рабству*, Лондон 1983).

Классический, нисколько не потерявший своей актуальности труд будущего лауреата Нобелевской премии по экономике (1974), показывающий, почему государственное планирование неминуемо подрывает политическую и экономическую свободу и в результате приводит к закабалению населения.

Коллективистское экономическое планирование, под редакцией, с предисловием и заключительной статьей Ф. А. Хайека (F. A. Hayek, ed., *Collectivist Economic Planning*, London 1935).

Сборник важных работ, показывающих почему социалистическая система оказывается не в состоянии осуществлять адекватное распределение ресурсов и потому обречена на провал.

Ф. А. Хайек, *Индивидуализм и экономический порядок*
(F. A. Hayek, *Individualism and Economic Order*, London 1949).

Очерки о соотношении и взаимосвязи индивидуализма, конкуренции, научного подхода и социализма.

Капитализм и историки, под редакцией Ф. А. Хайека
(F. A. Hayek, ed., *Capitalism and the Historians*, Chicago 1954).

Очерки, разоблачающие различные мифы о ранних стадиях капитализма и показывающие, почему капитализм повышает благосостояние трудящихся масс и приносит процветание для всех.

Ф. А. Хайек, *Право, законодательство и свобода*, в 3-х томах (F. A. Hayek, *Law, Legislation and Liberty*, vol. 1 — 1973, vol. 2 — 1976, vol. 3 — 1979).

Капитальный труд крупнейшего из живущих представителей либерализма, посвященный обсуждению самопроизвольных и планируемых общественных структур, природе права, рыночной системе, правосудию и конституционным нормам.

М. Фридман, *Капитализм и свобода*

(M. Friedman, *Capitalism and Freedom*, Chicago 1962; русский перевод: М. Фридман, *Капитализм и свобода*, Нью Йорк 1982).

Популярное изложение основных аргументов в пользу капитализма и политической свободы, автором которого является виднейший представитель американского „неолиберализма”, лауреат Нобелевской премии по экономике (1976).

Л. фон Мизес, *Социализм*

(L. von Mises, *Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus*, Iena 1922; английский перевод: *Socialism*, London 1936; французский перевод: *Le socialisme*, Paris 1952).

Всесторонний анализ социалистической экономической системы, демонстрирующий невозможность функционирования социалистического планирования и неизбежность коррумпции и экономического краха.

Л. фон Мизес, *Деятельность человека*

(L. von Mises, *Human Action. A Treatise on Economics*, Yale University Press, 1950).

Систематический трактат по экономике в условиях свободы.

Л. фон Мизес, *Теория и история*

(L. von Mises, *Theory and History. An Interpretation of Social and Economic Evolution*, Yale University Press, 1957).

Рассмотрение теоретической базы исторических исследований. Сокрушительная критика некоторых основополагающих догм марксизма.

Л. фон Мизес, *Народ, государство и экономика* (L. von Mises, *Nation, Staat und Wirtschaft*, Wien 1919; английский перевод: *Nation, State and Economy*).

Анализ того, как национализм и этатизм приводят к войне и империализму на примере истории падения Германии и Австро-Венгрии в результате 1-й мировой войны.

А. Рюстов, *Свобода и господство*, в 3-х томах (A. Rüstow, *Ortsbestimmung der Gegenwart*, 1. Bd. *Ursprung der Herrschaft*, 1950; 2. Bd. *Weg der Freiheit*, 1952; 3. Bd. *Herrschaft oder Freiheit?*, 1956; английский перевод: *Freedom and Domination*).

Всеобъемлющий обзор событий истории человечества, прослеживающий конфликт между свободой индивидуума и государством с древнейших времен до двадцатого столетия.

М. Полани, *Логика свободы* (M. Polanyi, *The Logic of Liberty*, University of Chicago Press, 1981).

Важный философский труд американского ученого венгерского происхождения.

Р. Нозик, *Анархия, государство и утопия* (R. Nozick, *Anarchy, State and Utopia*, Oxford University Press, 1974).

Блестящее выступление в защиту индивидуальной свободы авторства одного из самых многообещающих представителей социальных наук в США.

Ф. Бастиа, *Экономические софизмы* (1847) (Английский перевод: F. Bastiat, *Sophisms of Protection*, Putnam, N. Y. 1877).

Уничтожающее опровержение основных аргументов против свободной торговли авторства французского экономиста девятнадцатого века, резко критиковавшегося Марксом.

Ф. Бастиа, *Закон* (1850)

(Английский перевод: F. Bastiat, *The Law*, N. Y. 1950).

Показано, как в этактистском государстве закон превращается в орудие легального грабежа.

Ф. Бастиа, *Избранные эссе по политической экономии*

(Английский перевод: F. Bastiat, *Essays on Political Economy*)

Работы по политическим и экономическим вопросам, принадлежащие мыслителю, которого Маркс считал ведущим представителем либерализма в девятнадцатом столетии.

О. Тьерри, Работы по истории „третьего сословия”

(Английский перевод: A. Thierry, in: *Theory of Classical Liberal „Industrialism”*).

Работы французского историка и мыслителя эпохи Реставрации, которого Маркс считал создателем теории „классовой борьбы” во французской историографии.

А. Лепаж, *Да здравствует торговля!*

(H. Lepage, *Vive le commerce*, Dunod, Paris 1980).

Обзор новых идей в экономической теории свободного рынка, принадлежащий перу современного французского ученого.

А. Лепаж, *Завтра – либерализм*

(H. Lepage, *Demain le liberalisme*, Le Livre de Poche, LGF, Paris 1980).

Манифест за возрождение либерализма в Европе.

А. Ранд, *Мы, живущие*

(Ayn Rand, *We the Living*, 1936).

Увлекательный роман о большевистской революции, написанный американским писателем – эмигрантом из России.

Р. У. Лэйн, *Открытие свободы*

(R. W. Lane, *The Discovery of Freedom*).

Доступно написанное и увлекательное введение в историю борьбы человека против власти.

Дж. Куитни, *Вечные враги*
(J. Kwitny, *Endless Enemies*).

О том, как США и СССР вмешиваются во внутренние дела других стран, ставя помехи на пути самоопределения, демократии и свободы.

Большинство из перечисленных книг можно заказать по почте в следующих магазинах:

The Alternative Bookshop
3 Langley Court
Covent Garden
London WC2
ENGLAND

Laissez-Faire Books
206 Mercer St.
New York
NY 10012
USA

Книги, изданные во Франции, можно заказать по следующему адресу:

Institut Economique de Paris
35, avenue Mac-Mahon
75017 Paris
FRANCE

